

В ДЕТЕКТИВАХ
ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ
НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

Ольга
Володарская

ДОГОВОР НА ОДНУ ТАЙНУ

Ольга Володарская

Договор на одну тайну

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Договор на одну тайну / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-93125-5

Алексей, Оля и Александра родились в небольшом приморском городе, учились в одном классе, дружили и... образовали классический любовный треугольник. Саша, дочь мэра, очень страдала, однако все же согласилась стать свидетельницей на свадьбе Леша и Оли. Но накануне она попала в страшную аварию! Отец Леша, лучший хирург города, прооперировал ее, но, допустив врачебную ошибку, оставил девушку инвалидом. И все пошло прахом... Леша с Олей расстались и разъехались в разные стороны. В родном городе осталась только Александра. Несмотря ни на что, она продолжала ждать Лешу... И спустя пятнадцать лет он вернулся. Приехала и Оля. Три друга детства оказались вовлечены в расследование череды убийств и политических разборок, главным действующим лицом которых стал отец Александры. Жизнь Саши рушилась, а ее больше заботило, ответит ли наконец Леша на ее чувства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93125-5

© Володарская О. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Володарская

Договор на одну тайну

© Володарская О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Часть первая

Глава 1

Алексей Николаевич Земских зашел в свой рабочий кабинет и запер дверь на ключ. Затем снял трубку стационарного телефона и положил на стол, чтобы никто не смог ему позвонить, а мобильный отключил. В ближайшие десять минут его ни для кого нет.

Земских уселся в кресло с высокой спинкой, откинул голову, смежил веки. Но расслабиться не успел, ожил компьютер, подавая сигнал, что в скайпе пришло сообщение. Земских даже знал от кого – от его девушки Оксаны, которая сейчас в командировке в другом городе. Не открывая глаз, Леша протянул руку и захлопнул крышку ноутбука.

Его ни для кого нет!

– Алексей Николаевич, – услышал он тут же. – Алексей Николаевич! – В дверь настойчиво заколотили. – Вы у себя? – Задержалась ручка, Земских не увидел этого, потому что продолжал сидеть с закрытыми глазами, но услышал характерный звук. – Да где он, черт возьми?

Земских не шелохнулся, но глаза открыл и уставился в потолок. Не увидел там ничего заслуживающего внимания: споты, немного пыли, пара мух, вяло ползающих по пластиковым панелям. И все же Леша принялся с интересом разглядывать все это, хотя еще вчера просто отвел бы взгляд или расфокусировал его... Но вчера он не знал того, что ему открылось сегодня...

Он умирает!

Доктор Алексей Николаевич Земских сегодня утром получил результаты биопсии желудка и узнал, что у него рак четвертой стадии. Надежда на излечение есть, но она ничтожно мала. Алексей слышал о случаях чудесного исцеления, но сам с такими не сталкивался. Поэтому сейчас он сидел в закрытом кабинете с отключенными гаджетами и пытался понять, как жить дальше. Нужно было как минимум выбрать генеральную линию: начать лечение или отказаться от него. Сказать себе ДА или НЕТ. Для начала. Потом уже продумывать варианты, исходя из того, какой пункт, «А» или «Б» (ДА или НЕТ), он выберет.

Снова застучали в дверь.

– Алексей Николаевич, вы же там! – Это билась в кабинет доктора медсестра Маришка. Она утром просила Земских осмотреть своего двоюродного брата, и тот пообещал, но тогда у Алексея еще не было на руках результатов биопсии. – Алексей Николаевич, ну так же нельзя! Славик приехал, а вы прячетесь. Он, между прочим, с другого конца города тащился на больных ногах. Вы же помните, у него колени не разгибаются...

Леша мысленно застонал. Маришка так просто не отстанет. Эта женщина ростом сто сорок три сантиметра была напориста и неустрашима. Требовать прибавки к зарплате для всех сестер отправляли не старшую, а именно Маришу. В коллективе у нее была кличка Халк.

– Иду, иду, – крикнул Земских. – Только умоюсь. Можно?

– Можно, – милостиво разрешила Маришка.

Земских поднялся с кресла и прошествовал в уборную. Там имелись только унитаз и крохотная угловая раковина. Габаритный Алексей разворачивался в комнатке с трудом. Но наличие собственного туалета был несказанно рад. Он единственный из докторов их частной клиники мог похвастаться его наличием. Разумеется, у главврача в кабинете имелся не только туалет, но и душевая кабина, но на то оно и начальство, чтобы находиться в привилегированном положении. Через полтора года этот пост перешел бы к Земских. И Леша, кроме статуса, значительной прибавки к зарплате и личного парковочного места, заполучил бы еще и кабинет

с душевой. Сколько раз, замещая главного, он заходил в просторную уборную, окидывал ее взором и думал: только ради нее стоит мечтать о повышении.

Леша включил холодную воду и подставил под тугую струю ладони, сложенные ковшиком. Умылся. Вытерся полотенцем. Посмотрел в зеркало. Гладкое лицо с крупными чертами. Густые светлые брови, такая же щетина. Большинству блондинов не идет небритость, но только не Леше. Она подчеркивает его высокие скулы, а квадратный подбородок делает мягче. Земских относился к тем представителям сильного пола, про которых принято говорить «интересный мужчина». Не красавец, но женское внимание привлекающий. Другой бы на месте Леша беззастенчиво этим пользовался, но он не был бабником и редко отвечал на заигрывания. И когда его подкалывал коллега и лучший друг Валера Фомин, отшучивался. Говорил, что ждет седины в волосах и беса в ребрах...

Теперь уж не дождется!

– Алексей Николаевич, – послышалось из-за двери. Это Маришка устала ждать. – Вы там умерли, что ли?

– Почти, – прошептал Земских. Затем раздался стук в дверь, и он вынужден был крикнуть: – Иду!

Когда Алексей вышел из кабинета, Маришка тут же взяла его в оборот. Последующие полчаса он осматривал колени ее брата и назначал ему лечение. Естественно, все это делалось под неусыпным контролем Халка. Закончив, Земских вернулся к себе только затем, чтобы снять белый халат. Ему хотелось бежать из больницы, чтобы подумать наконец о будущем, а в стенах клиники ему точно не дадут это сделать.

– Леха, – услышал он за спиной, когда уже достиг входных дверей.

Сделать вид, что не слышит, Земских не мог, голос прозвучал чуть ли не над ухом, поэтому обернулся.

– Ты куда помчался? – спросил Валера Фомин, коллега и друг, который передвигался тихо, как ниндзя. И это при том, что весил больше ста кило при росте метр шестьдесят восемь.

– Домой.

– Ты же говорил, что сегодня у тебя весь день расписан, а сейчас только начало шестого...

– Перенес вечерних пациентов на другой день.

– Что-то случилось? – забеспокоился Валера, и два его подбородка заколыхались. Фомин был тучным, но невероятно подвижным. Он грациозно ходил, прекрасно танцевал, а его полное лицо красноречиво выражало каждую эмоцию. И работали при этом не глаза или рот, а, как ни странно, скопления жира.

– Все нормально, Валер, я просто устал... – Леша похлопал друга по плечу.

– Да, выглядишь неважно. Я всегда говорил, что ты много работаешь.

Это было действительно так. Большую часть жизни Земских проводил в клинике, а в свободное время изучал медицинские журналы. Если хотел расслабиться, шел не в бар или на футбол, как Фомин, а на иглоукалывание. В отпусках бывал редко. И из двух недель, что брал, в безделье проводил от силы дней пять, остальное время учился чему-то новому на курсах и тренингах. С женщинами знакомился там же. Почти все пассии Леша были из медицинской среды – докторами, сестрами, массажистами. Последняя – травником. Ни с одной отношения не продлились дольше года. Женщинам становилось скучно с Земских. Он был слишком положительным: не пил, не курил, не развлекался, никогда не повышал голоса, не конфликтовал, не пытался надавить. В общем, то, что сперва привлекало в нем, впоследствии начинало раздражать. Девушки недоумевали, как этот мужчина может быть таким идеальным. Он же не робот, он человек! Причем самец. Он должен изредка позволять себе излишества: выпивать пару фужеров шампанского на Новый год, в отпуск отправляться с друзьями на охоту, стучать кулаком по столу, когда его изо дня в день кормят пережаренной яичницей, ревновать свою даму к другим и драться за нее, если она уходит. Земских же не изменял любимому морков-

ному соку, медицине и своему спокойствию. Все избранницы Алексея принимали его непоколебимость за равнодушие. А редкая женщина потерпит, если к ней равнодушны. Поэтому подруги уходили от Леши и искали себе менее идеальных, но более живых партнеров.

Последняя, травница была лучше предыдущих тем, что походила на него. Такая же непьющая, спокойная, если не сказать бесстрастная в быту, но увлеченная своим делом. Идеальный вариант для Земских. Он даже подумывал о том, чтобы завести с ней детей. Но...

Детей у него уже не будет! Ни с травницей, ни с какой-то другой женщиной.

– Лех, ты вечером один? – услышал Земских голос друга. – Или с этой своей?.. Все забываю, как ее зовут.

– Оксана. И она в командировке. Так что вечером я один, а что?

– Пусти товарища на пару часов футбол посмотреть. Знаю, ты не любитель, но я тебя не буду беспокоить. Подключу наушники и закроюсь в комнате с пивасиком и фисташками.

– У тебя сломался телевизор?

– У меня сломалась личная жизнь, и ты это знаешь.

Да, Земских знал. Валера месяц назад разъехался, но пока не развелся с женой и теперь обитал у мамы, очень пожилой и странной женщины. Своим жильем, хотя бы съемным, не обзаводился в надежде на то, что его брак можно спасти.

– Мать с утра до вечера смотрит то сериалы, то новости, – продолжил Валера. – К телику не подберешься.

– Есть компьютер.

– Да это не то! Нужен большой экран. Как у тебя. – У Леши был не просто большой телевизор – огромный. С «живым» изображением. Он всегда покупал дорогие вещи, даже если ими почти не пользовался.

– Спортбар?

– Я люблю смотреть футбол в одних трусах, поставив на пузо тарелку с орехами...

– Во сколько матч?

– В десять.

– То есть тебя еще и приютить придется?

– Я могу домой на такси уехать. Но если бы ты позволил мне переночевать на диване, я был бы очень тебе благодарен.

– Извини, Валера. Но хочу побыть один.

И развернулся, чтобы не видеть обиженной физиономии друга. Фомин не был навязчивым и редко что-то просил у Земских, а тут с такой малостью обратился и получил отказ.

С Валерой Фоминым Леша познакомился семь лет назад, когда устроился в клинику. Тот работал здесь лором. Валера произвел на Земских впечатление приятного, но поверхностного человека. Леше думалось, что он только благодаря своему обаянию и умению ладить с людьми смог устроиться в солидное медучреждение. Но оказалось, что добродушный толстяк, который всех веселит, еще и отличный специалист. В Фомине сочеталось несочетаемое: серьезное отношение к работе и полное раздолбайство вне ее. Валере на тот момент было под сорок (сейчас, соответственно, за), но он обожал тусоваться. Ходил в клубы, караоке-бары и на пенные дискотеки. На последней познакомился со своей будущей женой. Та была, естественно, почти вдвое его моложе и втрое худее. Сексом они занялись в ту же ночь, причем прямо в пене, а через полтора месяца поженились. Поскольку чадо свое влюбленные заделали с первой попытки, иначе говоря, в день знакомства, то оно появилось на свет совсем скоро. Родилась девочка Софочка. Леша первое время был уверен в том, что ребенок не от Валеры. Мало ли с кем спала девица, готовая отдаться первому встречному на дискотеке, пока не увидел новорожденную. София была копией Фомина. И не только внешне. Она так же, как и Валера, умела мгновенно очаровывать людей. В том числе Земских. Он проникся к девочке настолько, что согласился стать ее крестным.

Сейчас Софочке было два с половиной годика. Толстая, голубоглазая, губастая и невероятно хорошенькая девочка. Однако мать беспокоила ее полнота, и она постоянно ограничивала дочку в еде. Упитанные крохи ей казались очаровательными до определенного возраста. Складочки на ручках и ножках, а также второй подбородок умиляли, пока малышка лежала в кроватке и ползала. Но когда Софочка начала бегать, супруга Валеры пришла в ужас от того, что дочка не худеет. Толстые девочки плохо смотрятся в платьях принцесс. Их фотографии не запостишь, пока не обработаешь в фотошопе. Поэтому Софию с полутора лет пытались посадить на диету, чему Фомин всячески противился. Но разошлись супруги не из-за этого. А потому, что Валера не желал меняться. Да, он большую часть свободного времени проводил с семьей, но после каждой ссоры, а ссоры случались часто, бежал из дома и отрывался где-то в клубах, барах, на дискотках. Он пил, пел, плясал, знакомился с женщинами, но не изменял жене. И она, как казалось Леше, ему верила. Хоть муж и являлся утром весь в помаде и запахе духов. Супруга Валеры ждала, что он, став главой семейства, повзрослеет. Будет вести себя как зрелый сорокалетний мужчина, а он продолжал оставаться разгильдяем, точно ему двадцать три и жизнь полна не забот и хлопот, а куража и приключений.

То есть Фомин и Земских были как плюс и минус – полярными. Однако отлично ладили. Но не влияли друг на друга. К сожалению, сокрушались их женщины. Как-то супруга Валеры, смешав в чашке два вида мороженого – одно простое молочное, второе орехово-шоколадное с крошками печенья, мечтательно заметила: «Вот бы вас так соединить, а потом разделить, и получилось бы два идеальных мужчины!»

Леша покинул здание клиники и подошел к своей машине. Пятилетняя «Тойота-Королла» устраивала Земских, однако он всегда мечтал о спортивной тачке. Но глупо тратить бешеные деньги на авто, на котором комфортно ездить можно лишь по хорошим дорогам, коих в России не так много, да и до желанной скорости не разгонишься. Поэтому Леша довольствовался своим надежным седаном, однако мысли о том, что когда-нибудь в будущем приобретет машину мечты, посещали его регулярно.

«Сколько всего я оставил на потом, – с горечью подумал Леша. – Как будто жизнь бесконечна...»

Только сейчас Земских осознал, что имеет совсем не то, чего бы он хотел. Существование в физическом и эмоциональном комфорте прекрасно, но только этого недостаточно. Ему хотелось захлебываться эмоциями, рисковать, влюбляться, ломать стереотипы, безумствовать...

Земских заплакал, уронив голову на руль. Слабости он тоже себе не позволял. Его глаза оставались сухими даже на похоронах матери.

Вдруг в окно заколотили. Земских вздрогнул всем телом, но голову поднял не сразу. Сначала вытер влажные глаза, чтоб не показать слез. Он думал, что это Валера последовал за ним на стоянку, и Леше не хотелось предстать перед другом в «расклеенном» виде. Но оказалось, что возле его «Тойоты» стоит Димитрич. Бомж, который обитал где-то поблизости, и иногда, когда охрана его не прогоняла, побирався возле клиники. Земских всегда проходил мимо. В качестве благотворительной помощи он делал бесплатные операции, но не подавал на улицах.

– Эй, док, у ты все пучком? – услышал Леша голос Димитрича.

– Да, я в порядке.

– А то смотрю, мордой в руль уперся... Думал, поплохело тебе.

Земских покачал головой и натянуто улыбнулся.

– А мне плохо, – жалостливо проговорил Димитрич. – Шланги горят.

Леша повернул ключ зажигания. Мотор заурчал. Димитрич занервничал.

– Соточку на опохмел не подкинешь, док? – прокричал он. – Знаю, ты мужик суровый, но не зверь же, а я помираю...

И тут Леша сделал то, чего от себя не ожидал. Он протянул руку на заднее сиденье и достал пакет. Презенты от благодарных пациентов – коньяк, сигары и конфеты. Опустив

стекло, Земских отдал дары Димитричу. Тот тут же сунул лицо в пакет. Содержимое бомж рассматривал долго. Секунд пятнадцать, не меньше. Очевидно, не мог поверить глазам.

– Это все мне? – сглотнув, прошептал он.

– Тебе. Лечись.

– Док, ты... ты... Человечище! Спасибо тебе.

– Не за что, я все равно не пью, не курю.

– Так это «Хеннесси» и «кубинки». – Димитрич прослезился от счастья.

– Ладно, наслаждайся, поехал я.

– Эй, стой, док.

– Что еще?

– Да мне как-то неудобно одному это все употребить... – Даже речь Димитрича облагородилась после того, как в его руки попали высокосеклассные продукты. – Это ж тебе подарили люди, которых ты вылечил, порадовать хотели, забери хотя бы конфетки.

– Сладкое я тоже не ем.

– Здоровеньким помереть хочешь? – хмыкнул бомж. – Что ж, каждый по-своему с ума сходит. Ну, бывай тогда.

И, сунув пакет за пазуху, убрался со стоянки. А Леша остался. Он понял, что не в состоянии вести машину. Нервы как натянутые канаты, что вот-вот лопнут. В голове каша. Глаза застилает пелена. И ладно, если, попав в аварию, сам «здоровеньким» помрет, так людей покалечит. И он заглушил мотор. Попил воды. Протер лицо влажными салфетками. Затем, разложив кресло и включив музыку, лег, закрыл глаза и стал думать.

* * *

Стук в окно заставил Лешу открыть глаза. Покосившись, он увидел возле машины не того, кого ожидал. Земских думал, что вернулся Димитрич. Побирušки народ наглый. Им один раз дай, не отстанут. Однако в окно «Тойоты» заглядывал не Димитрич, а Макарыч. То есть Валера Фомин, покойного отца которого звали Макаром.

– Ты приехал снова или не уезжал? – спросил друг.

Земских глянул на часы: с того момента, как он покинул клинику, прошло два часа.

– Уезжал, – соврал Леша. – Вернулся за тобой. Прыгай в машину.

Валера удивился, и его подбородки сложились в гармошку. Когда он забрался в салон, «меха» немного разошлись, но глаза оставались широко распахнутыми.

– Ты никогда не заезжал за мной, – сказал он.

– Потому что у тебя у самого была машина, а теперь она у жены.

– Я не живу с ней больше месяца, но ты никогда...

– Валер, ты хочешь смотреть футбол на большом экране моего телевизора? – перебил его Леша. Фомин энергично закивал. – Тогда сиди и помалкивай, пока я не передумал предоставлять тебе такую возможность.

– Я онемел, – заверил Фомин и закрыл рот на воображаемый замок.

Тихо Валера сидел все то время, пока Земских вырливал со стоянки и вливался в поток машин на шоссе. Но не прошло и пяти минут, как Фомин обрел голос:

– Нужно заехать за пивом и вкусняшками.

– На первом этаже моего дома есть супермаркет.

– А там продают темное с дымком?

– Без понятия.

– Я его люблю.

– Фомин!..

– Молчу-молчу. – И еще через пару минут: – А что у тебя с телефоном?

– А что у меня с телефоном?

– Он выключен.

«Вот черт, – мысленно выругался Земских. – Я же вырубил его, а врубить забыл!»

– А ты мне звонил? – спросил он, достав сотовый, чтобы привести его в рабочее состояние.

– Не я, твоя травница.

– Не понял?

– Набирала тебя, набирала, ты не абонент и в скайпе не отвечаешь, она забеспокоилась и в регистратуру клиники позвонила, чтоб узнать, все ли с тобой в порядке.

Земских посмотрел на экран включившегося телефона. Куча неотвеченных звонков, большая часть которых от его девушки Оксаны. Надо было бы перезвонить, но Леша написал смс: «Со мной все в порядке, я на частной консультации. Пока занят».

– Поругались? – полюбопытствовал Валера.

– Нет.

– Да, вопрос глупый. Ты ни с кем не ссоришься, и мне всегда было любопытно почему.

– Ты уже задавал мне этот вопрос.

– Да, но ответ меня не удовлетворил. Ты сказал, что человек не конфликтный, но я тоже...

Ненавижу скандалы, терки, негатив. А постоянно с кем-то собачусь.

– Значит, конфликтный.

– Да нет же! Просто я не равнодушный.

– То есть я?..

– Производишь впечатление абсолютного пофигиста. Но я думаю, что ты не такой. Ты просто эмоции прячешь. Причем очень и очень глубоко. Вопрос: зачем?

– Когда получишь диплом психолога, я приду к тебе и расскажу.

– А друг лучше любого мозгоправа, ты разве не знал?

И тут Алексей расхохотался. Насмешливо и зло. Прореагировал так, как человек, который не прячет эмоций. В общем, сделал то, от чего воздерживался долгие годы.

– Фомин, ты такой наивный дурачок, – отсмеявшись, сказал он. – Друг – это бомба замедленного действия. Нет, даже не так... Это мина, оставшаяся в земле со времен войны и ждущая своего часа, чтобы взорваться.

– Я не понимаю...

– И не надо тебе, Валер.

– Да что с тобой сегодня такое? – вскричал Фомин. – Ты сам не свой.

Сказать, не сказать?

– Меня ночью похитили инопланетяне и вживили мне в мозг жучок, – выдержав паузу, выдал Леша. – Теперь я – не я. – И завращал глазами.

– Да иди ты, – буркнул Валера.

Жил Земских неподалеку от клиники, в пятнадцати минутах езды. Поэтому его дом уже показался.

– Я тебя высажу на автобусной остановке, – сказал Леша другу. – Ты пойдешь в магазин, а я найду место для парковки. Встретимся у подъезда, идет?

Валера кивнул, затем спросил:

– Тебе чего-нибудь взять?

– Бутылочку «Боржоми».

– И все? А поесть?

– У меня есть рыба паровая, рис, овощи. На завтрак каша.

– Овсянка, сэр?

Леша кивнул, Валера скривился.

– Как ты при таком режиме питания можешь страдать от гастрита, понять не могу, – проворчал он, выбравшись из машины.

Именно на вновь разыгравшийся гастрит, которым Леша страдал в студенческие годы, Земских и грешил, когда ощутил первые боли в желудке. Он ужесточил диету, стал принимать таблетки, и состояние улучшилось, но ненадолго. Месяца на два, три. Все думают, что медики очень рьяно следят за своим здоровьем, но это не так. Медики разные. Кто-то раз в полгода обследуется, а кого-то увозят в реанимацию прямо из кабинета. Земских относился к той категории людей, которые бьют тревогу только тогда, когда уже нет сил терпеть. Хотя заболи у него что-то другое, не желудок, Леша обратился бы к врачу скорее. Он был молод, вел правильный образ жизни и не имел проблем со здоровьем. Вот только гастрит, мучивший на протяжении нескольких студенческих лет. Но гастритом страдал каждый третий сокурсник Алексея. Нерегулярное питание, дешевая дрянь, употребляющаяся в пищу, нервозность, выпивка.

О да, когда-то он пил. Но не курил. А все из-за мамы. Она так зависела от никотина, что не смогла отказаться от сигарет, когда это требовалось. При ее болезни легких курение было противопоказано, но матушка чадила. Не просто баловала себя сигареткой в день, искуривала пачку, а если нервничала, полторы. Но «легких». Как будто это могло ее уберечь. Леша помнил мать покашливающей, бледной. У нее были пожелтевшие от никотина пальцы и виноватое лицо. Она понимала, что загоняет себя в могилу, и ей было стыдно перед мужем и сыном. Умерла матушка, когда Леша поступил в институт. И он не плакал на ее похоронах. Не то чтобы Леше не было жаль родительницу, просто он считал, что она сама виновата. Брось она курить, могла бы еще жить и жить...

Отец Алексея после смерти жены стал выпивать. Супруга скончалась, сын уехал в большой город на учебу, и главе семейства Земских стало одиноко. Сначала он прикладывался к бутылочке после работы, потом начал и на работу приходить под хмельком. А чтобы не пахло, делал себе алкогольные клизмы. И все бы ничего, но он был хирургом. Причем лучшим в городе. Поэтому именно ему доверили делать сложную операцию на позвоночнике дочери мэра. Старший Земских операцию провалил. Допустил грубейшую ошибку и оставил девушку инвалидом. Естественно, началось расследование. За преступную халатность отец Леша был не только изгнан из клиники и лишен прав на проведение любых операций, но еще и срок получил, пусть и условный. После суда он ушел в запой, из которого, скорее всего, так и не вышел. Алексей не видел отца много лет, но знал, что тот жив. Если б умер, ему бы сообщили.

Земских встряхнулся. Хватит дум! Нужно найти место для машины, а то придется ехать до платной стоянки два километра. К счастью, Леше удалось пристроить свою «Тойоту» довольно быстро, поэтому, когда он подошел к подъезду, Валеры еще не было. Земских опустился на лавочку и прислушался к ощущениям. На желудке тяжесть, как будто переел, хотя он сегодня только чай пил. Зато ничего не болело.

– Эй, Леха, помогай! – услышал он голос Фомина.

Обернувшись, он увидел друга, который, обливаясь потом, пер четыре огромных пакета. Земских поднялся с лавки и взял у него два. Пакеты оказались тяжеленными.

– Ты в строительный еще забежал? – пробормотал Леша.

– Зачем? – рассеянно переспросил Валера, вытирая пот со лба согнутой в локте рукой.

– За кирпичами.

– В вашем магазине акция, три бутылки пива по цене двух. Я в ней поучаствовал.

– Только в этом пакете пять бутылок, – отметил Леша, заглянув в один из своих.

– Так я взял девять. А на сэкономленные деньги тебе «Боржоми» купил. Я молодец.

– Ты тревоугодник.

– Я эпикуреец. Или, если хочешь, бонвиван. Тревоугодник – это примитивно.

– Чем ты забил еще два пакета, эпикуреец?

– Еды прихватил. Не могу же я питаться твоей овсянкой.

Они поднялись на лифте на нужный этаж, и Леша отпер дверь в свою квартиру.

Жилье это он приобрел шесть месяцев назад. Вернее, выплатил за него ипотеку. А вообще в квартире он жил уже шесть лет, но не считал своей до тех пор, пока не был погашен кредит.

Земских пригласил гостя войти. Фомин, переступив порог и скинув мокасины, тут же проследовал в кухню. Вскоре оттуда послышались громыхание посуды и женский голос, это Валерка взялся за приготовление пира, предварительно включив телевизор. Поскольку в помощи хозяина дома он не нуждался, Алексей отправился в ванную.

Он долго стоял под душем... Просто стоял. Голова опущена, глаза закрыты. Никаких мыслей.

– Ихтиандр, ты скоро вынырнешь? – раздалось из-за двери.

– Скоро, – ответил Леша. Он не порадовался тому, что Валера нарушил его безмятежность, но не стал просить оставить его в покое. С Фоминым он бывал резким, пусть и не часто.

– Тебе рыбу с рисом греть?

– Я не голоден. Выпью йогурта.

– Так дело не пойдет. Я не люблю один есть, ты это знаешь, так что будь добр, поклюй хотя бы риса.

– Фомин, отвали уже от меня, – не выдержал-таки Леша и закрутил кран. – Выйду из ванной, сам решу, что есть.

– Нет, сегодня ты совершенно определенно не в себе.

Алексей выбрался из ванны, вытерся, накинул халат. Рядом с его длинным синим висел короткий голубой. Оксанин. А на полочке стояли ее косметические и гигиенические средства. В прихожей – тапки, тоже маленькие, бежевые. В шкафу висели кое-какие вещи Оксаны. На прикроватной тумбочке лежала ее книга. Все это нужно будет собрать, чтобы вернуть хозяйке. Он расстанется с Оксаной сразу, как она вернется из командировки...

Вот только что именно сказать ей, перед тем как разорвать отношения?

Уж точно не правду.

Когда Леша зашел в кухню, то глазам своим не поверил. Не самый маленький стол был весь заставлен едой: тут и курица гриль, и суши, и салаты в пластиковых контейнерах, и овощи, и два вида хлеба.

– Знаю, переборщил, – вздохнул Валера, поймав его ошалелый взгляд. – Но когда я голодный по магазинам хожу, все хочу...

– Но не съешь же все?

– Нет, конечно. Попробую – да. А остатки придется выкинуть, потому что готовая еда тухнет мгновенно.

– Зато ты сэкономил на пиве, – усмехнулся Леша.

– Кстати, о пиве. Что-то я не хочу его сейчас. Под такую закуску чего-нибудь крепкого бы. У тебя нет коньяка или водочки?

– Есть.

– Серьезно?

– Мне, как и всем докторам, дарят алкоголь.

– Я думал, ты отказываешься от таких презентов.

– Не хочу обижать людей – беру. Так что у меня, Валера, шикарный бар.

– И почему я впервые об этом слышу?

– Вот поэтому! – И ткнул в Фомина пальцем.

– Не понял?

– Да ты посмотри на себя в зеркало. У тебя глаза сейчас как у белки из «Ледникового периода» в момент, когда она видит вожака желудь. А она меж тем одержимая...

– Покажи мне свой бар.

– Хорошо, пошли. – Леша повел друга в гостиную. Дойдя до книжного шкафа, открыл нижние антресоли и продемонстрировал Валере их содержимое. – Ну что?

– Чувствую себя одержимой белкой, попавшей на остров, заваленный желудями.

– Что пить будешь, спрашиваю?

Фомин плюхнулся на свой необъятный зад, подпер подбородки кулаками и стал рассматривать бутылки, которых было не меньше пятидесяти.

– А можно текилу и водку? – выдал наконец Валера.

– Тебе завтра разве не на работу?

– К обеду. И я только продегустирую. Просто у тебя в баре стоит настоящая мексиканская текила. Не экспортная. Ее только там продают.

– Тогда зачем тебе обычная русская водка?

– Не обычная, а самая дорогая. Вот мне и интересно, что же в ней такого особенного.

– Хорошо, бери обе бутылки и пошли на кухню. Даже я проголодался.

Они уселись за стол. Валера тут же налил себе текилы и положил на тарелку куриный окорочок, оторвав его от тушки, и «селедку под шубой», а Леша взялся за «Боржом» и помидоры черри. Они чокнулись и выпили.

– Ничего выдающегося, – отметил Валера перед тем, как приступить к закуске. – Хорошо, что ты мне водку взять разрешил. Моя матушка, тоже, между прочим, доктор, гастроэнтеролог, всегда говорила, что если пить, то ее. Даже тебе можно в малых дозах. Пропустишь стопарик?

Он всегда предлагал Леше выпить. И слопать что-нибудь жирное и вредное. Земских неизменно отказывался. И тут вдруг...

– А давай, – выпалил он, махнув рукой, как киношный алкаш, который на первое предложение ответил отказом, но с нетерпением ждал второго, чтобы согласиться.

– Серьезно?

– Наливай, пока не передумал.

Валера метнулся к шкафчику с посудой, достал еще одну стопку.

– Жаль, водка не ледяная, – пробубнил он, разливая ее. – Но и не теплая, уже хорошо. –

Он подвинул Леше стопку, затем взял свою. – За что выпьем?

– До этого ты опрокинул в себя текилу ни за что.

– Я же пил один, а теперь у меня есть собутыльник.

– Ой, да ладно...

– Минуточку! – Фомин поднял указательный палец, похожий на среднего размера шпичку. – Впервые я пью с лучшим другом. Впервые я пью столь дорогую водку. Впервые я... – И засмеялся. – Не знаю, какой тост произнести, чтоб он соответствовал случаю...

– Коль это такое значимое событие для тебя, давай выпьем за мир во всем мире.

– Гениально!

Они чокнулись и опрокинули в себя водку.

Валера крикнул, Леша закашлялся. Хотя вкус и не был омерзительным, но пить было неприятно. Наверное, дело все в температуре. Хотя в студенчестве они вливали в себя и теплую водку. Причем далеко не самую дорогую, а скорее напротив.

– Закуси, – посоветовал Валера, протянув другу куриную ножку со своей тарелки.

Леша вгрызся в нее.

– Несвежая, – поморщился он, но мясо разжевал и проглотил.

– Да нормальная. Бывает хуже. Но если не нравится, вот это отведай. Здоровая пища, кстати. – Валера ткнул вилкой в один из контейнеров.

– Что это?

– Спаржа с кунжутом.

– Ты это ешь?

– Думал, ты ешь.

- Не угадал.
- Хоть попробуй.
- Выглядит тошнотворно, не буду. Лучше рыбку погрею. – Земских достал из холодильника форель и засунул ее в микроволновку. Пока рыба грелась, Валера уплетал курицу и спаржу, которую залил кетчупом и майонезом, и то и другое он приобрел – в закромах Земских ничего подобного не водилось.
- Еще по одной? – предложил Фомин, когда Леша вернулся на свое место.
- Давай. Только я текилы хочу попробовать.
- Хозяин – барин. А я с вашего разрешения водочки. – Валера разлил напитки по стопкам.
- За что сейчас?
- Давай за... Кто сегодня играет? Я про футбол.
- Германия с Францией.
- И за кого ты болеешь?
- За немчур, хоть у нас с ними за двадцатый век дважды случались непримиримые военные противоречия.
- Тогда выпьем за их победу. – И мужчины опрокинули стопки. Поставив свою, Валера, уже чуть захмелевший, обратился к Леше:
- Тебя Димитрич покусал, да?
- В каком смысле?
- Ты не знаешь этой шутки? Все, кто у нас вдруг развязывается, говорят, что их покусал Димитрич. Ну, это как с оборотнями...
- Аллегорию понял. И с Димитричем я сегодня имел беседу. Но он меня не кусал.
- Тогда что с тобой?
- Ты столько лет пытался меня споить. И вот когда тебе это удалось, ты...
- Я в недоумении. И тревоге.
- Все нормально, Валер. Я еще стопочку выпью и спать пойду.
- Как? А футбол?
- Не люблю его.
- Почему?
- Не знаю, как объяснить. Не интересно смотреть, и все. Как и любые командные игры.
- Хочешь сказать, ты в детстве не играл во дворе в футбол? В волейбол? В хоккей?
- Нет.
- Ты Маугли? – Валера вновь наполнил стопки. – Хотя дитя джунглей наверняка гонял с волками...
- Я Ихтиандр, ты правильно заметил.
- То есть у тебя есть жабры?
- Я родился и вырос у моря. Все детские игры были связаны с ним. Мы пропадали на берегу. Купались, ныряли, загорали летом, зимой катались на лодках, ловили рыбу и круглый год строили замки из гальки.
- За замки! Любые... В том числе воздушные.
- Они выпили вновь. Три стопки для Леша, чуть ли не половину жизни воздерживающегося от алкоголя, могли бы стать убийными, но, как ни странно, он чувствовал себя бодро.
- А не лягу я спать, – решительно сказал он. – Футбол смотреть буду. И за французков болеть. Пусть русские и с ними воевали, не только с фрицами. Но мы победили всех.
- Увы, не в футболе.
- Хочешь попробовать еще что-нибудь из моей коллекции?
- Нет, спасибо. Как ты правильно заметил, мне завтра на работу.
- А если б нет?
- Тогда я открыл бы абсент и поджег его.

- Зачем?
- Темнота, его так пьют.
- Что-то не припомню на картине Пикассо «Любительница абсента» пламени.
- А я не припомню такой картины, но знаю, как подают этот напиток в клубах.
- Покажешь? – И унесся в комнату, чтобы достать из бара абсент. Когда Земских вернулся с бутылкой в кухню, Валера отложил куриное крыло и сердито проговорил:
 - Слушай, Леха, завязывай.
 - Так я только развязался.
 - Ты уже пьян.
 - Увы, нет. – Земских на самом деле не ощущал опьянения, только облегчение. Нервы, закрутившиеся за день в канаты, расслабились. – Давай, жги абсент. Потом пойдем смотреть футбол.
 - Ты ж завтра умрешь.
 - Нет, не завтра, – засмеялся Леша. – Где-то через три, пять месяцев.
 - Не понял?
 - Да не слушай ты меня, болтаю какую-то ерунду...
- Фомин встал из-за стола и подошел к Земских. Взял его за плечи, посмотрел в глаза и тихо спросил:
 - Леш, что с тобой?
 - Да нормально все.
 - Не ври.
 - Сделай мне абсент, тогда скажу.
 - Хорошо. – Он разжал свои пальцы-шпикачки и принялся колдовать над напитком. Земских следил за Валерой с интересом. Когда тот поджег абсент, захлопал в ладоши.
 - Ты точно ребенок, впервые увидевший, как фокусник достает из шляпы кролика, – хмыкнул Фомин.
 - Неужто в клубах так делают?
 - Ой, там чего только не насмотришься. – Он протянул Леше стакан и скомандовал: – Пей залпом.
- Земских было немного страшно, но он сделал, как велели – опрокинул в себя горячий абсент.
 - Вещь, – выдохнул Леша.
 - Срубит сейчас, готовься.
 - Не срубит, я поем. – И схватил контейнер с каким-то сомнительного вида салатом. Кажется, грибным. – Жаль, супа нет. Я бы сейчас навернул борща. Моя мама чудесно его готовила, она украинка. Из Кременчуга родом.
 - Пошли в комнату, скоро футбол начнется.
 - Может, ты еще замутишь мне чего-нибудь? Вот из текилы, например. Есть какие-то коктейли, которые так же эффектно готовятся?
 - Текила-бум. Но ты ее не получишь.
 - Почему?
 - Да, я всегда хотел... научить тебя плохому. Помнишь «Ералаш»? – Леша покачал головой. – Не важно. В общем, спойть хотел я тебя в первую очередь. Ну, и растормошить. Подбить на хулиганство... И вот сейчас, когда ты зажигаешь, я в ужасе... Потому что твое веселье на грани истерики. Объясни мне, Леша, что с тобой?
- Земских хотел что-нибудь наврать. Потому что правду он намеревался скрывать ото всех. Но его срубило, как и прогнозировал Фомин. Леша обмяк, мозг его затуманился, а язык стал как вата и едва ворочался. Но он смог проговорить:
 - У меня рак, четвертая стадия.

После этого Леша положил голову на стол, закрыл глаза и провалился в безмятежность пьяного сна.

* * *

Болело все – голова, желудок, спина...

Когда Леша открыл глаза, оказалось, что глаза тоже болели.

Он лежал на полу в прихожей. Под головой подушка. Тело накрыто пледом. Судя по всему, Фомин пытался перетащить друга на кровать, но его сил хватило лишь на то, чтобы выволочь из кухни.

Алексей, кряхтя, встал. Его качнуло. Придержавшись за косяк, он выровнялся. Потом нетвердой походкой направился в кухню. Там, как ни странно, было чисто. Валера убрал еду в холодильник или слопал, а посуду помыл. Леша открыл кран с питьевой водой и стал жадно пить. Утолив жажду, вернулся в прихожую, чтобы найти сумку, в которой таблетки.

– Жив? – услышал он голос Валерки, а затем увидел его в дверях гостиной. Друг был в одних трусах.

– Жив. Как игра?

– Так себе. Ничья.

– То есть победила дружба. Это хорошо.

– Ты извини, что я тебя бросил тут, но ты такой кабан, Леха, я не смог тебя дотащить хотя бы до дивана.

– Да хоть до коврика бы дотащил, у меня от жесткого пола спина разламывается.

Земских достал из сумки таблетки и отправил в рот сразу две. Их не нужно было запивать, поэтому Леша сразу отправился в ванную, чтобы почистить зубы. Во рту, как сказал бы Фомин, будто кошки нагадили.

– Есть не хочешь? – спросил Валера, материализовавшись на пороге ванной комнаты, которую Леша не потруился запереть.

– Нет.

– А я заточил бы чего-нибудь.

– Иди, точи. А я спать.

– Нет, сначала поговорим. Чай будешь?

– Не хочу. Меня и так в жар бросает.

– Тогда пивка? По бутылочке?

– Я выпью «Боржоми».

Леша почистил зубы, умылся. И все это сделал под пристальным взглядом Фомина, который оставался стоять на пороге ванной. Когда Земских закрутил кран, он выдал:

– Поверь мне, пиво пойдет лучше. Сейчас три ночи и уже завтра, но давай будем считать, что еще вчера.

– А зачем нам это?

– Чтобы ты еще немного побезумствовал.

– И выпил-таки текила-бум?

– Нет, только пива. Я не хочу, чтоб ты снова упал лицом в салат.

Они прошли в кухню. Леша сел, а Фомин стал доставать из холодильника еду и напитки. Из девяти бутылок пива осталось только три. Из еды одни лишь суши и салат, в который Земских, если можно так выразиться, упал. Валера протянул его другу, но Алексей качнул головой. Есть не хотелось. Хотя от борща он по-прежнему не отказался бы.

– Когда ты узнал, что болен? – задал вопрос Валера, открыв пивные бутылки.

– Сегодня. Но если точнее, вчера.

– Что будешь делать?

– Жить.

– Понятно, что умирать рано. Но ты уже выбрал способ лечения? Что онколог советует? Облучение? Химию? Или можно попробовать операции? Даже на четвертой стадии их проводят.

– Опухоль с метастазами. Их много. Можно попробовать убрать, но нереально удалить все.

– Но химия замедлит их рост, и ты продлишь свою жизнь...

– Нет, я продлю существование. Я думал вчера весь день над тем, как мне поступить. У меня мозги начали плавиться. Думал, с ума сойду. Но я смог принять решение. И все благодаря тебе.

– Мне? – осторожно переспросил Валера.

– Я редко вспоминаю детство. А когда ты спросил, не Маугли ли я...

– Ты сказал, что Ихтиандр. И что?

– В детстве у меня была мечта. Я грезил о том, что, когда стану взрослым, выйду в море на яхте, буду сам ею править и доберусь до маяка на далеком мысе, свет которого мы видели вечерами. – Лешин голос дрогнул. Он сделал глоток пива и продолжил: – И вот я взрослый. А до маяка так и не добрался. Хотя это же не так сложно. Надо всего лишь научиться управлять яхтой, взять ее в аренду и выйти в море...

– Мы все в детстве о чем-то грезим, но мы вырастем, и у нас появляются новые мечты, а старые забываются.

– А у меня новых не появлялось, понимаешь? Только планы. Четкие, рациональные. Я стал хирургом не потому, что страстно этого желал, просто я знал, что у меня получится. Достойная профессия, уважаемая, перспективная, денежная. И она мне нравится. Я доволен своим выбором. Но если б я стал моряком... В моем городе есть училище, я думал туда поступать. И если бы я стал моряком, то был бы счастливее.

– Или не был.

– Да. Но не попробуешь, не узнаешь. А я так много не попробовал. Ограничил себя. Обделил.

– Ты сейчас об этом? – Валера щелкнул пальцами по пивной бутылке.

– Я тебя умоляю, Фомин! Не старайся казаться примитивнее, чем ты есть. Я рад, что не пил, не курил, следил за питанием. Потому что сейчас могу быть уверенным в том, что не угробил свой организм. Я делал все для того, чтоб содержать храм своей души в идеальном состоянии, извини за патетику.

– Пожалуй, я примитивнее, чем тебе кажется. Я не понимаю, к чему ты. Что моряком не стал, жалеешь, так зря. Работал бы сейчас за копейки и явно храм своей души привел в негодность низкопробным алкоголем. А вот что не женился, это да, зря. Все твои женщины, из тех, кого знаю, достойными были, образованными, порядочными, воспитанными, не то что моя... Магдалена из пены.

– Но ты ее любишь.

– Люблю. Но я глупый романтик. Я не могу без страстей. А ты на пылкую любовь, как мне кажется, не способен... – Валера осекся, заметив, как изменилось выражение Лешиного лица. – Или?

– Или. Но мне разбили сердце, и я решил, что больше не позволю себе такой роскоши, как безоглядная любовь. В общем, я отказал себе во всем. Больше я этого делать не буду. Проживу оставшиеся мне месяцы на полную катушку.

– Тебе здоровье не позволит, – покачал головой Фомин.

– А это мы еще посмотрим, – возразил Леша с ухмылкой. – А теперь пойдем спать, на завтра у меня куча дел.

Глава 2

Оля Крестовская бросила взгляд на часы и с сожалением отметила, что прошло всего пять минут с тех пор, как она смотрела на циферблат в последний раз. Она-то надеялась хотя бы на десять. Но время замедлилось. Так всегда бывает, когда чего-то с нетерпением ждешь...

– Девушка, извините, у вас свободно? – услышала Оля мужской голос совсем рядом.

Подняв глаза, она увидела симпатичного парня с двумя чашками кофе и кивнула. Оля сидела в вагоне-ресторане поезда одна за столиком, тогда как он был рассчитан на четверых.

– Я за вами давно наблюдаю, вы такая грустная, – начал он.

– Я задумчивая, – перебила парня Оля.

– Пусть так. Но ваша чашка опустела. Я принес вам еще кофе.

– Спасибо, но я больше не хочу.

– Тогда, может, перекусим? Здесь неплохо готовят. Я езжу этим поездом регулярно и перепробовал почти все блюда в меню. Рекомендую жульен.

Ольга едва сдержалась, чтобы не накричать на парня – его настойчивость граничила с навязчивостью, но сдержалась.

– Вас как зовут? – спросила она.

– Олег. А вас?

– Это не важно. Олег, вы очень милый, и в другой день я бы с радостью попила с вами кофе и поболтала, но не сегодня... Извините.

И, встав из-за стола, поспешила на выход.

К мужскому вниманию Ольге не привыкать. Она была королевой школы, института, города. Причем признанной. Участвовала в конкурсах красоты, во многих побеждала, а в девятнадцать лет выиграла корону королевы края и собиралась на «Мисс Россия», но...

Не получилось. Обстоятельства не позволили.

Больше Оля Крестовская в конкурсах не участвовала. Получив диплом, уехала к сестре матери в Самару. Тетка занимала высокую должность на автомобильном заводе и хорошо племянницу пристроила. Ольга сделала неплохую карьеру, удачно вышла замуж, но два месяца назад развелась и... уволилась! Решила, что уж если менять жизнь, то кардинально. Перерубив два каната, что держали ее в Самаре, она улетела к подруге на Тенерифе, как планировалось, на всю календарную весну. Почти месяц Оля провела в безделье. Пропадала на пляже, ходила по ресторанам и клубам, баловала себя шопингом и курортным романчиком. Успокоила нервы, загорела, поправилась на пять кило и поняла, что больше не может оставаться на дивном острове, потому что смертельно устала от праздности... И по России, которую раньше не покидала дольше чем на десять дней, скучает. И Оля вернулась, хотя гипотетически рассматривала вариант переезда в Испанию на ПМЖ. В Самаре оставаться она по-прежнему не хотела. Санта-Круз ей тоже не подошел. Что выбрать? Москву? Ее тетка сейчас в столице, и она снова поможет. Да Оля и сама, в принципе, в состоянии устроиться, но... Ей не хотелось в столицу. А куда хотелось, она не знала. Тянуло на родину, но что делать в их маленьком портовом городке?

И тут ей пришла телеграмма... Телеграмма! Кто их вообще сейчас посылает? Когда есть электронка, скайп, вайбер и прочие блага цивилизации!

Оля прочла телеграмму.

«Здравствуй Оля ТЧК Это тетя Маня бабушка Саши ТЧК Если можешь приезжай ТЧК Сашенька нуждается в друге ТЧК Не говори ей что я связалась с тобой ТЧК».

Далее следовал адрес, по которому бабушка Саши и, скорее всего, сама Саша проживали. Не раздумывая долго, Оля купила билеты на поезд и отправила тете Маше ответную телеграмму.

И вот она едет в родной город. И нервничает, потому что не видела подругу пятнадцать лет. Даже в скайпе, хотя девушки все годы были на связи, сначала писали друг другу обычные письма, вскоре электронные, после перешли в агент, затем вацап. Списывались, созванивались. Оля как-то предложила Саше устроить сеанс видеосвязи, но та сказала, что у нее сломана камера на компьютере, и Крестовская не стала настаивать.

На малую родину Ольга отправилась налегке. С собой только дорожная сумка среднего размера. В ней минимум вещей: белье, сменные джинсы, пара футболок и домашнее платье, в котором можно и спать. Плюс любимый фен и планшет. Оля даже косметики не взяла, разве что пудру и блеск для губ. Благо и без макияжа выглядела эффектно. Многие, включая бывшего мужа, считали, что ей даже лучше ненакрашенной. Но Оля, если желала произвести впечатление, наносила косметику. Вот только в родном городе она не собиралась привлекать к себе внимание. Более того, ей хотелось остаться неузнанной.

Подхватив сумку, Оля покинула купе. До ее остановки оставалось еще минут пятнадцать езды, но она решила постоять это время в тамбуре.

– Только не подумайте, что я вас преследую, – услышала она за спиной.

– Я уже сделала это, – бросила Оля через плечо. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это Олег.

– Я шел в свой вагон, только и всего. А тут вы. Сделать вид, что я вас не вижу, было бы невежливым.

Повисла пауза. А все потому, что Оля оставила реплику Олега без комментариев.

– Вы сейчас выходите? – не унимался парень.

Пришлось повернуться к нему – невежливо стоять к собеседнику спиной.

– Да.

– А я на следующей.

– Угу.

– Можно я вам оставлю свой телефон?

– Можно, – ответила Оля, решив, что Олег так быстрее отстанет.

Молодой человек протянул ей визитку. Она, не глядя, сунула кусок картона в карман джинсов.

– Всего вам хорошего.

– И вам.

– Как вас зовут все же?

– Ольга.

– Прекрасное имя.

– Обычное, – равнодушно пожала плечами она. За окном уже показались станционные постройки, значит, через две-три минуты Оля окажется на платформе.

– Мою маму так зовут, поэтому я нахожу ваше имя прекрасным.

– Привет ей от тетки. И прощайте, Олег.

– До свидания.

И скрылся за дверью, из-за которой показалась проводница.

Вскоре поезд замедлил ход и остановился. Оля вышла на перрон.

За те годы, что она не была в родном городе, привокзальная площадь мало изменилась. Здание вокзала все то же, пусть и покрашено в другой цвет. Торговые палатки облагорожены, лавочки заменены на новые, современные, деревья выросли, но... Атмосфера все та же.

Оля сошла с платформы, и ее тут же окружили таксисты. Городок не был туристическим. Курортники редко сюда заезжали, поэтому бомбили дрались за каждого клиента. Ольга выбрала того, чье лицо ей показалось знакомым.

– А я думал, не признаешь меня, – сказал таксист, подхватив ее сумку. – Не виделись с выпускного!

– Пашка Сорокин, – осенило Олю. Они учились вместе десять лет. – Как я могла тебя не узнать? Ты все такой же.

– Скажешь тоже, – сконфузился Пашка. Что неудивительно, ведь Оля грубо польстила. Пашка обрюзг, полысел и выглядел на десять лет старше своего возраста. – А вот ты все такая же красотка. Нет, даже лучше стала... Поправилась.

– Дурак ты, Сорокин. Разве можно говорить такое женщине?

– Что похорошела?

– Что растолстела!

– Да ты была как глиста, а сейчас справная стала.

Они уселись в старенький универсал фирмы «Опель». Паша завел мотор.

– Надолго к нам? – спросил он.

– На пару дней. А если точнее, на две ночи и три дня.

– Что привело? Я знаю, что твои родители тут давно не живут.

– Я к Саше.

– Пахомовой? – Пашка был явно ошарашен.

– Да. Ты общаешься с ней?

– Давно не встречал. А чего ты вдруг?..

– Почему это «вдруг»? Мы все эти годы общались.

– В реальности?

– Нет, созванивались, списывались.

– Вот и я о том.

– Паш, я чего-то не понимаю?

– Сашка затворница. Она крайне редко покидает свою квартиру. И никого не принимает. Как-то на десятилетие выпуска мы, пьяные, веселые, попытались завалиться к ней... Нам просто не открыли дверь, хотя свет в окнах горел. Пахомова общается с людьми по телефону и в Интернете, но в реальности предпочитает не встречаться. Вот я и удивился тому, что ты к ней приехала. Неужто Сашка тебя пригласила?

– Нет, ее бабка.

– Тетя Маня?

– Она. – Сашину бабулю знали многие выпускники их школы. Она работала в школьном буфете пекарем. Ватрушки от тети Мани были вкуснее эклеров и медовиков.

– Так тебя к Пахомовым везти? Я, правда, не знаю, где они сейчас обитают, но у тебя наверняка есть адрес.

– Нет. В гостиницу «Приморская», я там номер забронировала.

– Отличный выбор. «Приморская» у нас сейчас считается самым топовым местом. Туда иностранцы селятся, если в город приезжают, а в ресторан при отеле ходят местные буржуины.

– Надо же. А когда-то была обычной совковой гостишкой.

– У нас тут много что изменилось.

– Seriously? Я что-то не замечаю.

– Поющие фонтаны открыли, роллердром построили, возвели смотровую площадку...

– Лучше б дороги сделали, – буркнула Оля, когда машину в очередной раз подбросило на кочке. – А мэр по-прежнему Сашин отец?

– Чего? – Пашка расхохотался.

– Сашка говорила мне, что он выигрывает все выборы на протяжении всех лет.

– А она, оказывается, врушка.

– То есть?..

– Пахомова сняли восемь лет назад. И больше он на пост мэра не баллотировался. Потому что тут его все ненавидят, и у дрессированной обезьяны больше шансов стать главой города, чем у него.

- Чем он так прогневил горожан?
- Он пытался закрыть порт, пусть и на время.
- Но город живет за счет порта...
- Вот именно. Но Пахомов так рьяно взялся за борьбу с контрабандистами и коррупционерами, что готов был и на крайние меры.
- Неужели он надеялся справиться с портовой мафией?
- Прикинь?
- И что, его сняли?
- Да. Состряпали какое-то дело, вылили кучу грязи и... как это называется? О, вспомнил, предали импичменту.
- Хорошо хоть не убили.
- В лихие девяностые точно грохнули бы.
- И чем Сашин отец сейчас занимается?
- Увидишься с ней и спросишь, я без понятия. Кстати... – Пашка взял с приборной панели визитку (у бомбил они тоже имелись, надо же!) и протянул Оле. – Вот мой телефон. Позвони после встречи, расскажи, как она. Ну, и вообще... – Бывший одноклассник засмущался. Мальчишкой он был влюблен в Олю и, видимо, сейчас вспомнил об этом. – Набирай, если довести надо или просто... поболтать с одноклассником.
- Хорошо. – Оля ободряюще улыбнулась Пашке. – А мы, судя по всему, приехали.
- «Приморская», построенная в брежневские времена по типовому проекту, выглядела неказисто. И чтобы придать ей шика, новые хозяева возвели высокое крыльцо и над ним водрузили помпезную вывеску, украшенную, кроме всего прочего, тремя звездами.
- Сколько с меня? – спросила Оля.
- Да ничего не надо.
- Перестань, Паша. – Она вынула двести рублей и положила их на сиденье. Ехали всего минут пятнадцать, и она не думала, что в этих местах таксисты берут больше за столь короткую поездку. – Все, пока. Рада была видеть.
- Ты звони.
- Обязательно. – Оля помахала Пашке рукой и зашагала к высокому крыльцу с покрытыми серебрянкой гипсовыми колоннами.

* * *

Оля стояла перед четырехэтажной хрущевкой, выкрашенной желтой краской, и не верила, что пришла по адресу.

Саша Пахомова, девочка, рожденная с золотой ложкой в зубах, живет тут?

Ольга сама была из благополучной семьи среднего достатка. И в первый класс пошла нарядной. Прибалтийская форма (это был последний год, когда форма являлась обязательной) с гофрированным фартуком, гольфы с помпонами, ярко-розовый ранец и того же цвета японские наручные часы. Оля считала, что будет выглядеть лучше всех, пока не увидела Сашу. На той джинсовая тройка (старшеклассницы уже ходили в таких, но из дешевого материала и без лейбла известной американской фирмы), ажурные белые колготки, а в волосах не банты, а диковинные заколки с мордочками диснеевских героев. Но добились Олю кеды со звездами! Все девочки были в босоножках или туфельках, а Саша в немыслимых спортивных чеботах, расшитых разноцветными стразами.

- Ты знаешь, кто это? – спросила она у мамы, указав на модницу.
- Это дочка Пахомова.
- А кто это?
- Дядя за ее спиной.

– Да, я вижу дядю. Но кто он?

– Начальник отдела международных перевозок порта.

И даже семилетняя Оля поняла, что Пахомов очень крутой мужик.

С его дочкой она подружилась не сразу, зато по-настоящему. Вокруг Саши постоянно крутились желающие угоститься импортными жвачками и шоколадом или поиграть в «Тетрис». Но Ольга держалась от Пахомовой на расстоянии. Она считала ее задавакой и уж точно не мечтала о том, чтоб стать одной из ее «фрейлин». Тем более большинство мальчишек были ее «вассалами». Пусть они и льнули к Пахомовой, желая разжиться вкусностями или развлечься с игрушками, но влюблены были в Олю Крестовскую. Она и без джинсового костюма могла свести с ума любого пацана от семи до десяти лет.

Пахомова сама подошла к Крестовской, чтобы позвать ее в гости. Ее одну!

– И что мы будем делать у тебя? – подозрительно спросила Оля. Она знала, что Пахомова по уши влюблена в Лешку Земских, а он самый страстный поклонник ее, Крестовской. Ей уже мелко пакостили другие девочки, избранники которых не отвечали им взаимностью.

– Ты так красиво плетешь себе косы... Научи меня, пожалуйста.

Оля скептически посмотрела на куцый хвост Саши, но решила, что, если он преобразится в «корзиночку» или «колосок», хуже не будет.

Оля приняла приглашение, и девочки чудесно провели время, делая друг другу прически и крася мордочки французской косметикой Сашиной мамы. А на следующий день после школы вновь встретились, но теперь гостью принимала Оля. И занимались они дрессировкой кота и хомяка. Крестовские разрешали дочери заводить животных, а Пахомовы своей нет – у ее мамы была аллергия на шерсть. Вскоре девчонки стали закадычными подругами. И этому никто не мог помешать, даже Леша Земских, которого Оля терпеть не могла, а Саша обожала.

– Что ты в нем нашла? – недоумевала Крестовская.

– Он умный.

– Не дурак, но и не семи пядей во лбу.

– Красивый.

– Ты издеваешься? Он толстый и белобрысый.

– Крупный и белокурый. А еще он хорошо воспитан.

– Земских? Да он постоянно меня за косы дергает.

– Он обращает на тебя свое внимание, – рассудительно говорила Саша, судя по всему, цитируя свою маму, с которой советовалась по вопросам, касающимся сердечных дел. – А Леша тебе правда не нравится?

– Нет, – совершенно искренне отвечала Оля.

– Совсем-совсем?

– Ни чуточки.

– Это хорошо, – успокаивалась подруга.

Земских Саша продолжала любить – именно такое определение она нашла своему чувству – все школьные годы. Тогда как он с тем же постоянством ее игнорировал. Впрочем, и Оля ему нравится перестала. Его вообще мало интересовали девчонки. Лешка вечно пропадал на пляже или в порту. Стал худым, черным от загара, а его и без того светлые волосы выгорели до льняного цвета. Как и брови с ресницами. Но такой, как ни странно, он стал больше привлекать барышень. И на выпускном балу десятиклассников Лешу Земских признали королем вечера. А Олю Крестовскую королевой. И они танцевали под Селин Дион, а Саша, глядя на них, глотала слезы.

Оля встряхнулась. Воспоминания завладели ею, и она забыла, где находится. Родной город, улица Маркса на окраине, хрущевка в четыре этажа, квартира, в которой живет дочка бывшего мэра. Ольга подошла к подъездной двери и нажала на кнопку с цифрой девять.

Раздалось пиликанье, затем старческий голос:

- Кто?
 - Тетя Маня, это Оля Крестовская.
 - Олечка, – обрадовалась та. – Заходи!
- Дверь открылась, и Оля вошла.

Подъезд оказался чистеньким, но запах сырости и какой-то гнили проникал в ноздри. Быстро поднялась на третий этаж. Олю встречали на пороге девятой квартиры. Тетя Маня, то есть скорее уже баба Маня, распростерла объятия, чтобы заключить в них подругу своей внучки.

- Здравствуй, милая моя.
- И вам не хворать, тетя Маня.
- А я держусь.
- Да, выглядите бодро.

Она на самом деле мало изменилась. Голос стал старческим, скрипучим, а лицо такое же гладкое, румяное. Только ноги все во вздувшихся венах и волосы совершенно седые, тогда как раньше всегда были подкрашены хной.

Женщины, молодая и пожилая, крепко обнялись.

– Милости прошу, заходи, – пригласила тетя Маня гостью. Оля переступила порог и тут же увидела Сашу. Она выехала на кресле из дальней комнаты.

Если б Оля не знала, что должна встретить именно ее, то не узнала бы.

Сашка красавицей никогда не была. Впрочем, как и дурнушкой. Обычная девочка-девушка с худым бледненьким личиком и жидкими волосами, но с приятной улыбкой и глубокими карими глазами. Сейчас же Оля видела перед собой другого человека. Прежним осталось только личико, худое и бледное. Остальное – изменилось. Глаза посветлели, стали зеленоватыми. Губы сжались, как будто слиплись. А волос на голове Саши не было – она их сбрила машинкой.

- Привет, – выдавила из себя улыбку Ольга.
- Здравствуй. – Лицо Пахомовой осталось таким же суровым. Ни губы не дрогнули, ни глаза не потеплели. – Ты все так же хороша. А я-то надеялась, подурнела...
- Я поправилась, если тебя это утешит.
- По закону подлости тебе это только идет... – И наконец в глазах вспыхнули искорки!
- Олечка, она улыбается, – воскликнула радостно тетя Маня. – Впервые за долгие годы...
- Да, я улыбаюсь, – подтвердила Саша, чуть расслабив губы. – А рот не открываю, потому что зубов нет.

– Значит, ты беззубая? Мне-то по фиг, ты знаешь. Я всегда тебя считала дурнушкой.

И Саша хохотнула, пусть коротко. Зубов у нее на самом деле не было. В двадцать лет она попала в чудовищную автомобильную аварию. Все, кто находился с ней в машине, погибли. Выжила только Саша. Но лишилась зубов, селезенки. А самое ужасное, перестала ходить, хотя ее поврежденный позвоночник оперировал лучший в городе хирург, но... Он ничего не смог сделать. А по другой версии, допустил грубую врачебную ошибку, что как раз и привело к инвалидности.

И оперировал Сашу отец Леши Земских...

Ольга обняла подругу. И чмокнула во впалую щеку.

- Чего зубы не вставишь?
- Те, что были, слетели. А новые не готовы еще.
- Девочки, давайте в кухню, чайку попьем, – засуетилась тетя Маня.
- Я как раз привезла тортик, конфетки. – Оля выставила перед собой пакет из супермаркета.
- Да я ватрушек напекла с утра. Ваших любимых.

Они прошли в крохотную кухню, где с трудом помещались плита, холодильник, стол и четыре посудных шкафа: два на полу, два на стене. Саша воткнула свое кресло между холодильником и столом. Гости выдвинули табурет. На нем круглая подушка – улыбающееся солнышко. Класе в шестом они шили такие, чтобы подарить своим родным женского пола на 8 Марта.

– Как живешь, Олечка? – спросила тетя Маня, принимаясь за хлопоты. Чай, ватрушки, порезать торт, конфеты в вазочку выложить...

– Отлично.

Саша скривила рот и выдала:

– Ба, я ж говорила тебе, развелась она. И с работы уволилась. Так что не отлично. Бодрится красавица наша.

– У тебя же дочка? – обернулась тетя Маня.

– Да, Лена. Ей двенадцать.

– А где она сейчас?

– В Самаре с отцом.

– Почему так?

– Ей с ним лучше.

– А с кем лучше тебе? – тихо спросила Саша.

– С самой собой на данный момент. Хотя нет, вру... С собой тоже не очень. – И уже бодрее: – Поэтому я у вас!

– Ба сказала мне только утром, что ты приезжаешь. И телеграмму показала. Ты что, в прошлый век попала?

Тетя Маня застыла с тарелкой в руках. Напряглась.

– А я люблю отправлять послания по старинке. Из каждой страны, в которой бываю, шлю себе самой открытки с видами достопримечательностей. Кстати! – Оля взяла сумку и достала миниатюру, привезенную с Канар. – Это вам подарок с Тенерифе. Здесь изображен вулкан Тейде.

– Красиво... – Саша повертела картину в руках и убрала на подоконник. – Я не хотела, чтобы бабушка тебя пускала. Я сторонюсь людей, даже тех, с кем когда-то была близка... Нет, не так: тем более тех, с кем когда-то была близка. К тому же я обманывала тебя долгие годы и не хотела, чтоб ты поняла, какая я врушка... – Тетя Маня подошла к внучке и обняла ее за плечи. Саша поцеловала ее руку. – Но бабушка сказала, что раз ты за столько лет не приезжала, а теперь вдруг решила нагрять, значит, тебе нужна поддержка... Это так?

– Да, – коротко ответила Оля.

– Только у нас для тебя нет отдельной комнаты. Придется тебе в бабушкиной спать, в моей мы вдвоем не развернемся.

– Я сняла номер в «Приморской».

– Говорят, она шикарной стала.

– Разве что по местным меркам, – улыбнулась Оля. – В номерах халаты и тапки, но вода течет тонкой струйкой, а из восьми лампочек горят только пять.

– Чай стынет, девочки, – напомнила тетя Маня. – Пейте.

Девочки послушно взяли свои кружки.

Чаевничали они недолго. У Саши начала болеть спина, и ей пришлось лечь. Оля сидела возле подруги, пока она не уснула. А потом вернулась на кухню. Тетя Маня сидела за столом, на котором вместо кружек стояли тонконогие стопочки с рубиновой жидкостью.

– Кизилровка? – спросила Оля.

– Она.

Тетя Маня делала замечательную настойку на кизиле, и это был тот алкогольный напиток, который девочки впервые попробовали. Александра отлила немного фирменного бабуш-

киного продукта и угостила им Ольгу в свой день рождения, тогда ей исполнилось четырнадцать. Девочки захмелели с нескольких глотков и сразу почувствовали себя взрослыми. Но больше кизиловку не пили, в ней оказалось сорок пять градусов.

Сашина бабушка подвинула одну из стопок Оле со словами:

– Опрокинем и поговорим.

Выпивать не хотелось, у Оли был полный желудок, да и не любила она крепкий алкоголь, но спорить с пожилой женщиной не стала. Пригубив кизиловки, Крестовская поощрительно посмотрела на тетю Маню, желая, чтоб она начала рассказ.

– Сашка покончить с собой хотела, – без предисловий выдала старушка. – Под машину броситься.

– Тетя Маня, давайте поподробнее. Я ведь, как выяснилось, ничего не знаю о жизни Сашки. То, чем она меня последние годы пичкала, оказалось липой.

– Это уж точно. – Тетя Маня вынула из-под стола низкий табурет и положила на него больные ноги. – Я с Сашкой вожусь с тех пор, как обезножела она. Больше никому. Ее отец и мой сын Глеб весь в работе, мать, как ты сама знаешь, кукушка.

– Нет, не знаю, – удивленно протянула Оля. – Саша говорила мне, что она уехала за границу работать. Тогда нам по четырнадцать было вроде бы...

– Работать! – фыркнула тетя Маня. – Будто она умела чего-то делать. С мужиком сбегала. Первое время писала дочери, звонила, обещала к себе пригласить, да так и пропала. Даже не знаю, жива ли. Ну да пес с ней! Не об этой шалаве речь. Когда Сашу выписали из больницы, отец для нее нанял сиделку и физиотерапевта, и какого-то чокнутого йога, который учил девочку входить в транс, чтоб она могла ощущать себя в нем полноценной. А ей нужна была любовь и забота близких. Я это понимала. Глеб – нет. Для моего сына борьба за справедливость стала идеей фикс. Он расправился с хирургом, потом больницу прикрыл, в которой допускали к операциям нетрезвого доктора. Пытался засудить того мужчину, в чей грузовик врезался автомобиль, в котором Саша ехала. Да только тот ни при чем. Как и родители Сашиного друга, по вине которого произошла авария... А он и их обвинял в том, что они плохо воспитывали сына – он сел за руль нетрезвым. В общем, мой Глеб занимался совсем не тем, чем нужно было.

– Он правильно сделал, что засудил хирурга.

– Тут я согласна. Хотя говорят, Сашу от паралича никто бы не спас. Но оперировать в подпитии конечно же нельзя. И хорошо, что Николай Земских перестал практиковать. Но после этого Глеб должен был переключить свое внимание на дочь. А он все искал виноватых в трагедии и пытался наказать их... Будто этим что-то можно исправить.

– Вы говорили с ним об этом?

– Пыталась, но он меня не слушал. Тогда я решила, что всю себя отдам Саше. У меня ведь, Олечка, и личная жизнь была, и работа любимая, я обожала печь пирожки для деток, но от всего отказалась. И не жалею. Потому что Глеб погружался и погружался в борьбу за правое дело, при этом все более отрываясь от реальности. – Тетя Маня налила еще настойки. Себе полную стопку, Оле чуточку, ведь она только пригубила. – Он много чего нажил... Умел крутиться всегда. И когда в международном порту работал, имел отличный доход, а уж мэром как стал... сама понимаешь... – Старушка залпом выпила кизиловку. – Конечно, не был кристально чист. А кто не ворует в нашей стране? Но когда с Сашкой случилось несчастье, Глеб решил, что она за его грехи ответ держит. И все раздал. Благотворительный фонд «Рука помощи» на его личные средства существовал, а что оставил, отняли.

– Его сняли с поста, я слышала.

– Да. Хорошо, не убили. Но мы остались нищими. Я все понимаю, нельзя хапать столько, сколько наши чиновники... И о сырых и убогих заботиться надо. Но дочь-инвалида мог бы

обеспечить в первую очередь! Это же кровиночка... – И заплакала, уткнувшись лицом в ковши из своих морщинистых ладоней.

Оля встала, подошла к тете Мане, крепко обняла ее за подрагивающие плечи. Женщина быстро успокоилась, видно, привыкла мгновенно брать себя в руки, и, утерев слезы, продолжила:

– Мы в загородном доме жили. Там все оборудовано было – пандусы, лифт, туалет. И территория сада большая, можно гулять. Кроме всего, у нас две овчарки жили в будках и кот приходил с улицы. Сашенька там счастлива была. Естественно, насколько это возможно в ее состоянии. Но дом конфисковали. И мы переехали сюда, в мою халупу, потому что больше некуда. И вот представь теперь, каково жить инвалиду в хрущевке. Третий этаж, лифта нет, проемы узкие. Мы не гуляем практически. Редкий раз я вывожу Сашу на улицу. Прошу соседей помочь спустить ее. Но она так стесняется обременять кого-то, постоянно повторяет, будто ей и дома хорошо, не надо гулять.

– А почему гостей не пускает? Я видела сегодня одноклассника нашего Пашку, он сказал, что пытались с ней увидеться, но...

– Да как она может сюда позвать кого-то? – вскричала тетя Маня. – В эту убогость? Она же девочка, с которой все хотели дружить в первую очередь из-за жвачек и «Тетриса».

– Не все, – покачала головой Оля и допила кизиловку.

– Ты нет. Поэтому именно тебе я и дала телеграмму. Сашка как-то уснула, не выключив компьютер, и я вашу переписку посмотрела, по экрану я умею мышкой двигать. Была в твоих посланиях душевность. И участие искреннее. Не то что у всех остальных. Привет – как дела? Пустые фразы да рожицы какие-то, смайлы, кажется? Еще проявление любопытства и злорадства. И похвальба!

– А откуда вы адрес узнали?

– Ты тогда ей фото прислала на фоне своего коттеджа. На нем табличка с названием улицы и номером. – Оля вспомнила тот снимок. Она сделала его полтора года назад, когда они с семьей переехали в коттедж. Тогда у них все еще было относительно хорошо. – Я адрес запомнила.

– Переулок Крестовского, дом одиннадцать?

– Твоя фамилия и число, когда Саша родилась.

– Тетя Маня, я там не живу почти год.

– Но телеграмму получила?

– Приезжала навестить дочь, она мне передала. Это было четыре дня назад. Когда вы ее послали?

– Да уж с месяц как...

– С тех пор Саша с собою покончить не пыталась?

– А у нее возможности нет. Я перестала ее на улицу выводить, стараюсь из виду не выпускать, таблетки прячу там, куда она не доберется. Понятно, что, если человек твердо решил умереть, он голову о стену разобьет, но таких мало. Сашка тогда порыву повиновалась. Я отвлеклась, заболталась, а возле нашего двора оживленное шоссе, и минут через пять скрип тормозов, гудки, ор... Обращиваюсь, внучка на асфальте лежит, кресло перевернуто... – Тетя Маня перекрестилась. – Хорошо, водитель затормозил вовремя. Правда, крыло помял о кресло. Поэтому ругался очень. Сашенька же на красный ломанулась, да на скорости. Я сразу поняла, чего она хотела, но дурочкой внучку перед водителем представила. Будто не ведала она, что творит, а я бабушка старая, с больными ногами, вот и не смогла ее сдержать...

– Вы говорили с Сашей об этом?

– Конечно. Но она сказала, что просто задумалась, вот и выкатилась на проезжую часть. Да только не верю я ей.

– Тетя Маня, а где сейчас Сашин папа?

– Поди знай.

– Что, даже не навещает?

– Давно не был. Несколько месяцев. Он и раньше своим вниманием дочь не баловал, но забегал к нам... – Старушка посмотрела на бутылку настойки, но тряхнула головой, решив больше не пить. – Именно забегал, Олечка. На четверть часа буквально. Приносил гостинцы и, ссылаясь на дела, уносился прочь. Говорил мне, что не может дольше дочери в глаза смотреть – чувство вины мешает. А в последний раз поругались они. Глеб прискакал, сел напротив Саши и выдал: «Скоро все изменится!» Она поинтересовалась, о чем он. Оказалось, все о той же справедливости речь. «Она восторжествует!» Саша психанула. Накричала на отца. Велела не приходить больше... И он больше не приходил.

– Вы связывались с ним?

– Знала бы как, связалась. Но он не говорит, где живет, а телефона сотового не имеет, потому что думает, будто его прослушивают.

– Вы извините меня, тетя Маня, за вопрос, но я задам его. Глеб Симонович в своем уме?

– Да уж и не знаю, – горько вздохнула женщина.

Оля хорошо помнила Пахомова. Это был статный мужчина с породистым лицом. Всегда с иголки одет и гладко выбрит. Волосы у него были жидкими, голову покрывали неравномерно, поэтому он избавился от них в сорок лет. Лысина ему шла. И на предвыборных плакатах он смотрелся очень привлекательно. Оля за него голосовала. Как и ее родители. И шестьдесят процентов горожан. Когда-то они уважали Глеба Симоновича Пахомова.

Тетя Маня зевнула. Оля спохватилась:

– Засиделась я, пойду!

– Посиди еще, – из вежливости сказала тетя Маня.

– Нет, пойду я. Завтра приеду, вывезем Сашу погулять.

– Хорошо. – Она тяжело встала на больные ноги и поковыляла в прихожую, чтобы проводить гостью. – Спасибо тебе, Оленька, что откликнулась.

– Вам спасибо, что написали мне. Мне на самом деле нужна поддержка.

Она чмокнула бабу Маню на прощание в пухлую щеку и покинула квартиру.

«Нужно сдать обратный билет, – сказала она себе. – Придется здесь задержаться на неделю, а то и две...»

Глава 3

Маленький мальчик бежал по берегу моря. Волны лизали его пухлые ножки, брызги летели в лицо. Вода была холодной, но он заливался счастливым смехом и несея дальше. Тот, к кому малыш так спешил, стоял возле спасательной вышки, разведя руки. Высокий, загорелый мужчина с копной спутанных ветром кудрявых волос распростер объятия, чтобы заключить в них сына. Но когда мальчику оставалось преодолеть последние метры, за спиной отца выросла огромная тень. Это вздыбился песок и приобрел очертания человеческой фигуры.

Ребенок хотел закричать, чтобы предупредить папу об опасности, но не смог произнести ни звука. Но хуже другое – на него налетела огромная волна, сбила с ног и стала относить от берега. Вода заливала глаза, но мальчик видел, как огромный песочный человек хватает его папу и тащит куда-то...

Эд с криком проснулся.

Опять этот кошмар! Да сколько же можно?

Многие годы Эдуард Корнилов видел один и тот же пугающий его до жути сон. В нем он – ребенок – всегда бежал по берегу моря отцу навстречу, но их воссоединению мешали разные трагические обстоятельства: не всегда нападение песочного человека или гигантская волна. Иногда их засасывал смерч или они падали в разверзнувшуюся яму. А как-то отца и сына погребало под рухнувшей спасательной вышкой... В тот раз Эд был наиболее близок к цели. Он очутился в кольце отцовских рук, оставалось только прижаться к его груди.

Кошмар этот Эдуарда начал мучить в двадцать лет. Он тогда лежал на больничной койке. Отходил после наркоза. Корнилов только дембельнулся и намеревался провести в куражах не меньше недели, встречаясь с друзьями и подругами, попивая винишко и занимаясь безудержным сексом, но вместо этого загремел в больницу с гнойным аппендицитом. Его прооперировали, и Эдик дрых почти сутки. Видел много дурацких снов, но запомнился один... ЭТОТ самый!

С тех пор прошло почти двадцать лет. Кошмар снился на протяжении всего времени пусть не часто, но регулярно и пугал так, что Эдуард готов был на все, лишь бы избавиться от него. Он дважды обращался за помощью: к психотерапевту и гипнотизеру. Оба специалиста не помогли. Хотя после сеансов терапии Эдуард уходил умиротворенным и пребывал в этом состоянии до трех месяцев. Но кошмар возвращался.

Эд встал с кровати и побрел в ванную. Тело было влажным от пота. Как будто он на самом деле окунулся в воду. Эд забрался в душевую кабинку, открыл краны. Подставив под тугую струю затылок, закрыл глаза. Вода снимала негатив и приносила успокоение. В реальности совершенно точно. Снова вспомнился кошмар. Эда поражало то, что сон был невероятно реален. У Корнилова стыли ноги, когда во сне он бежал по кромке моря. До сих пор пальцы оставались ледяными!

Корнилов пошевелил ими. Длинные, корявые, покрытые черными волосами... Совсем не такие, как во сне – аккуратные, гладкие, пухлые. И сам он... не такой! Взрослый, суровый, не способный на безудержную радость, лишенный легкости, доверчивости. Но во сне он не чувствовал груза лет, опыта, ответственности и прочего. Он был трехлетним малышом, бесшабашным, открытым, счастливым... До определенного момента, увы.

Как было бы здорово, если бы сон Эда хоть раз закончился, как и начался, мелодрамой. Но нет, он неизменно превращался в экшен: триллер, боевик, хоррор.

Эд и к специалисту, что учил управлять снами, обращался. Но не по своей воле. К нему отвела мама. Эдуард как-то поделился с ней своей проблемой. Но не затем, чтобы пожаловаться, а пытаясь во всем разобраться.

– Мам, как погиб мой отец? – спросил Эд у родительницы, приехав к ней в гости. Он находился под впечатлением сна, и было это три с половиной года назад.

– Я же тебе рассказывала, – недоуменно протянула мать. – Он утонул.

– При каких обстоятельствах?

– Эдик, ты же знаешь при каких.

– Корабль, на котором он работал, затонул?

– Да.

– Я этого не видел?

– Да как бы ты мог?..

– Мало ли.

– Сынок, корабль затонул в открытом море. Этого никто не видел, тем более ты. На момент папиной смерти тебе едва исполнилось три.

– Тогда почему я многие годы вижу сон, в котором отец погибает на моих глазах?

– Откуда ж мне знать? Я всю жизнь продавцом проработала и мало в чем разбираюсь. Тебе к мозгоправу надо.

– Обращался. Он много чего наговорил, но так и не смог дать совет, как избавиться от кошмаров.

– Значит, тебе необходимо обратиться к тому, кто научит управлять снами.

– Что, есть и такие люди?

– Да, я читала в газете. По отзывам, они просто волшебники! Там и телефон был, по которому можно позвонить, чтоб на прием записаться.

– Шарлатаны, – фыркнул Эд. – Ладно, забудь, мам... У меня просто нервы ни к черту, надо таблеточки попить успокоительные.

Но мама все же отыскала «волшебника», и Эд сходил к нему на прием, но толку оказалось чуть...

Увы и ах.

Корнилов закрутил кран и прислушался. Ему послышалось, что звонит телефон. Так и оказалось.

Ни минуты покоя, даже с утра!

Эдик был крупным бизнесменом в их маленьком городе. Владел тремя кораблями и половиной складов в порту. И это не считая заброшенного дока, который он приобрел лишь потому, что его спустили с молотка за сущие копейки. Корнилов не нашел доку применения, но ему просто пока было некогда этим заниматься.

Эд вышел из ванной, прошлепал в гостиную, там на подзарядке лежал его мобильник. Он глянул на экран. Высвечивался неизвестный номер. Значит, можно не отвечать, перезвонят еще раз.

Корнилов натянул на себя штаны и проследовал в кухню. Зверски хотелось есть. По утрам Эд всегда бывал голоден, но особенно после кошмаров. Открыв холодильник, он взглядом обозрел содержимое и решил, что будет завтракать мясом. Переложив из сковороды два куса отбивной свинины, он сунул их в микроволновку. Остатки мяса стал убирать в холодильник и уронил крышку. Она свалилась на пол с грохотом.

– Маса, – послышалось из спальни. – Маааась, ну ты чего шумишь?

Это проснулась Полянка.

– Вставай, время уже восемь, – крикнул Эд.

– Всегоооо...

Она постоянно тянула слова. А еще надувала губы, хлопала ресницами, выпячивала грудь... И называла Эда «масей». В общем, делала все то, что юные гламурные шлюшки, вот только Поля было уже сорок с крохотным хвостиком, и единственный мужчина, которого она познала, был ее муж.

Эдуард Константинович Корнилов.

Познакомились они в больнице, когда он, дембель, лежал с гнойным аппендицитом. Поля работала там санитаркой. Она была очень милой и душевной девушкой. Ее обожали пациенты. Проникся в ней симпатией и Эдик. Как прочие, он одаривал девушку шоколадками и фруктами. А перед выпиской презентовал букет цветов. Она так засмушалась, что даже неискушенный в сердечных делах Эд понял: санитарка в него влюблена. Ему это польстило, и он пригласил Полину на свидание. Естественно, он не планировал никаких серьезных отношений. У двадцатилетнего дембеля впереди вся жизнь! Семью Эд планировал, но лет через пять, семь. А пока хотел только секса. Много-много секса! Поэтому Полю он затащил в постель в первое же свидание.

Эдик не подозревал, что она окажется девственницей.

Почувствовав ответственность за девушку, которую лишил невинности в ее зрелые двадцать два года, Корнилов не бросил Полю. Он начал с ней официально встречаться, не упуская при этом возможности оторваться с более легкомысленными девочками. Причем многие из них ему нравились больше Полины, но... У Эдика через полтора года начались серьезные неприятности с законом, и Поля так поддержала его, что как джентльмен он просто обязан был жениться. Тем более Полина забеременела.

В двадцать два Эдик стал отцом.

А в тридцать один потерял сына.

Глупейшая смерть! Мальчик подавился овсяным печеньем, которое обожал, и скончался от удущья.

После смерти ребенка Поля и превратилась в глупую куклу. Убежала от реальности, как фанаты аниме или фэнтези. Поклонники Сейлормун, Барби, Кена, монстров Хай, эльфийских принцесс. Те, что не только рядятся, гримируются, надевают парики, чтобы напоминать своих кумиров, но еще и делают пластические операции. Полина прошла через четыре операции. Всего-навсего, как она считала. Грудь, губы, нос и скулы – вот что жена поправила. Это не считая липосакции и ботекса. Подчеркивала она свою «красоту» диким макияжем и вычурными нарядами. В таком виде Эда она не возбуждала, и он несколько последних лет занимался с ней сексом не чаще трех-четырёх раз в году. Они и спали в разных комнатах. Правда, комнаты находились по соседству.

– Маааась, сделай мне нектара, ладно? – бросила следующую реплику супруга. – Я сейчас выпорхну.

Под нектаром она подразумевала кофе со сгущенкой. Поля могла сколько угодно выпендриваться в ресторанах, требуя «мокачино» или «макиато». Но дома она пила обычный растворимый кофе с тремя столовыми ложками сгущенки.

Эд включил чайник, чтобы приготовить «нектар» жене, а себе заварить «Эрл Грея». Корниловы не держали горничной. Эд даже представить не мог, как в его доме будет хозяйничать чужой человек. Поэтому он не требовал от Поли завтрака. Пусть отсыпается, он сам в состоянии погреть себе еду, как вариант – запарить кашу или пожарить яйца. Но ужин она была обязана приготовить. И проследить за порядком в доме. Все, больше от Поли ничего не требовалось. Разве что соблюдать верность. Эд оповестил ее об этом еще в день свадьбы. Сказал, узнаю, что налево пошла, разведусь. Даже если у нас будет шестеро детей! Я предательства не прошу.

И Поля хранила Эдику верность. Нет, на сто процентов он в этом уверен не был, но на девяносто девять...

Когда Полина начала себя «тюнинговать», Корнилов подумал – для какого-то хлыща старается. Нанял частного детектива, чтобы проследил за супругой, но та ничем себя не запятнала. Нарядившись, накрасившись, делала фотки да в Интернет выкладывала. А пока лайки собирались, намывала дом и готовила плов к ужину.

Мясо прогрелось, и Эдик достал его. Затем нарезал хлеб. В пиалу настрогал большой помидор, залил его майонезом. Перед тем как приняться за еду, сделал горячие напитки для себя и жены.

Эд закинул в себя половину отбивной за считанные секунды. Вдогонку послал дольку помидора и вымоченную в майонезе булку.

– Чудесно! – промурлыкал Корнилов, прожевав все это и проглотив. Хотя разогретое мясо не так нежно и ароматно, как свежеприготовленное, но все равно могло усладить вкус Эдика. Он очень любил покушать. Не просто набить желудок, а получить удовольствие от пищи. Оказываясь за хорошим столом, он пробовал все и порой еле мог дышать от переедания. Но если блюда не устраивали, Эд не ел вовсе. Как-то, попав в Китай, он неделю питался крекерами, привезенными из России, и чаем.

– Фу, навонял! – услышал за спиной Эдик. Это супруга, пока он наслаждался завтраком, неслышно к нему подошла.

– Я не курил еще, – бросил через плечо Эд, принявшись за вторую отбивную.

– Да не никотином, а мясом. – С недавних пор Полина провозгласила себя вегетарианкой и жужжала о том, что испытывает дикие страдания, готова для супруга стейки и котлеты. Но он пропускал ее жалобы мимо ушей. Если мужик хочет мяса, его баба обязана ему мясо приготовить. А уж есть его самой или нет, ее личное дело.

Поля обогнула стол и уселась напротив Эдика. На ней был пеньюар с перьями, в волосах тоже что-то пушилось. На веках стрелки. Губы в блестках. А между бровей бусинка. Поля зачем-то лепила ее последние несколько дней. Очевидно, кто-то из ее безмозглых подружек ввел это в моду.

– Ты на фига наштукатурилась поутру? – спросил Эд.

– Хочу быть красивой для моего масиии... – Полина, вообще-то она всех просила называть себя Паулиной, выпятила губы и сделала чмоки-чмоки.

Раньше, когда Корнилов смотрел по телевизору скетч-шоу, в которых героинями выступали тупые телочки с полным абгрейдом, возмущался. Не бывает таких дур! Даже наполовину... Но его жена доказала обратное. Она выглядела и вела себя точно так, как карикатурные тупицы с сиськами и губами. При этом Эд знал, она не такая. Он же помнил Полину доброй и милой, естественной, открытой, искренней! Не может человек измениться кардинально. Спрятаться от мира в личине кого-то другого – да. Это Поля и делала. И если так ей было спокойнее, что ж... Эдик готов был с этим мириться. Не такая уж большая жертва с его стороны.

Снова зазвонил телефон. Эдик снял сотовый с подзарядки и сунул в карман домашних штанов, когда отправился на кухню. Все тот же незнакомый номер. Сбросив звонок, Корнилов вернулся к еде. Трапезу он мог прервать только ради нескольких людей: мамы, жены, двух ближайших своих помощников и лучшего друга, ныне проживающего на Кипре. Остальным, пусть среди них даже мэр города или начальник порта, перезванивал, закончив кушать.

– Ой, смотри, Масик! – взвизгнула Поля и ткнула акриловым ногтем в окно. Вид у нее был такой, будто она увидела во дворе чупокабру.

Эдик обернулся. По гравийной дорожке, ведущей к дому, шли двое. Коттедж находился на охраняемой территории, и Корниловы не особо пеклись о том, заперта калитка или нет. Старались закрывать на засов, но иногда забывали. Поэтому появление на участке посторонних не удивило особо. Но напрягло то, что один из мужчин был в полицейской форме.

Поля взволнованно закудаhtала что-то на своем курином языке, но Эдик шикнул на жену, и она замолкла. Тут же по дому разнесся требовательный звонок. Корнилов, оставив тарелку, пошел открывать.

– Эдуард Константинович Корнилов? – обратился к хозяину дома штатский. Он казался ровесником Эдика. Умное лицо, худощавая фигура, короткая стрижка, дешевая одежда, но дорогая, удобная обувь. Оперативник убойного отдела, почему-то сразу решил Корнилов.

– Да, это я.

– Капитан Лаврушин, уголовный розыск, – представился полицейский, продемонстрировав свою ксиву. – Мы можем войти?

Эдик молча посторонился, впуская визитеров. К ним тут же подскочила Полина и стала засыпать вопросами. Лаврушин ответил только на последний: «Как вы попали на охраняемую территорию без согласования с нами?»

– Сотрудников полиции ваши чоповцы не имеют права останавливать. А согласовать я лично хотел, да ваш муж трубку не взял.

– Откуда у вас мой телефон? – спросил Эдик.

– Узнать – не проблема. Вы легальный бизнесмен, и ваши контакты пробиваются за минуту. Не возражаете, если мы присядем?

– Извольте. Чего-нибудь желаете из напитков?

– Водички бы холодной, – выпалил «форменный», утирая со лба пот.

– Полина, принеси, пожалуйста, господам полицейским воды. Но сначала мне футболку.

Жена унеслась выполнять поручения. Поскольку ей не хотелось пропустить начало разговора, то вернулась она меньше чем через минуту. Мужу сунула футболку, полицейским воду в пластиковых бутылках, не удосужившись перелить ее в стаканы.

– По какому вопросу вы ко мне, господа? – спросил Эдик, одевшись.

– Вы владелец старого дока?

– Совершенно верно.

– Два часа назад там был найден труп со следами насильственной смерти.

Полина вскрикнула.

– Это печально. Но при чем тут я? Доком я всего лишь владею, но не эксплуатирую его и не бываю там.

А про себя подумал: «Почему о происшествии я узнаю от полиции, а не от своих помощников?» Охрана дока обязана была доложить о происшествии своему начальству, оно – своему, и новость должна была дойти до Эдика... Но не дошла!

– Почему не спросите, кого убили? – Лаврушин сделал добрый глоток воды и остро посмотрел на Эдика.

«Где-то подвох, – понял он. – И все серьезнее, чем кажется...»

– И кого же убили?

– Господина Музеридзе. Малхаза Адоевича. Это имя вам явно о чем-то говорит, не так ли?

В их краях грузин было не так много, как армян или кабардинцев. А уж тем более с такими сложными именами-фамилиями-отчествами. Поэтому Эдик не сомневался, о каком человеке сейчас шла речь. Поэтому кивнул.

– Как вы относились к нему?

– Никак. Даже не вспоминал.

– Ой ли? Из-за Малхаза вы чуть не оказались в тюрьме когда-то.

– Не оказался же.

– Чудом.

– То есть вы считаете торжество справедливости чудом, господин капитан? – вскричала Полина.

– Улики против Малхаза появились в последний момент и из ниоткуда, – парировал Лаврушин. – И это очень пахнет подставой.

– Если и так, то мой Эдик никак не мог подставить Музеридзе. Он на тот момент был всего лишь докером. То есть никем. А Малхаз, или, как его тогда называли, Муза, с ударением на втором слоге, «крышей» мелких контрабандистов. То есть он, – Поля указала на мужа, –

был Моськой. А Муза слонем. Я ж не говорю о том, что подбросить улики Эдик никак не мог, поскольку содержался в камере предварительного заключения.

– Спасибо, дорогая, за защиту, – проговорил Эд сурово. – Но тебе лучше оставить мужчин наедине...

– Да почему? – топнула ножкой она. Все еще была на взводе, вот и капризничала. Хотя женщиной Полина была понимающей. И знающей свое место. Нет, ее никто не притеснял, ее уважали и баловали, но не позволяли улаживать вопросы, в которых она не компетентна.

– Я тебя прошу.

Полинка рыкнула, сцепив кулаки, но удалилась. Когда ее и след простыл, Эд снова вернулся к разговору:

– Господин Лаврушин, а как вас по имени-отчеству?

– Олег Евгеньевич.

– Олег Евгеньевич, я так понимаю, вы решили, что коль я владею доком, а на его территории убит тот, из-за кого я когда-то чуть не лишился свободы, то я как-то причастен к преступлению?

– Есть такая мысль.

– Так вот я даже не знал, что Малхаз вышел. Ему дали двадцать лет. Тройное убийство – это не шутки.

– Согласен. Но выпустили Музу досрочно. Сейчас и таким упрямым, что сидят за тройничок, нет-нет да и скашивают срок.

– Повторяю, я не был в курсе этого.

– Это всего лишь слова, господин Корнилов. А вот уже факты. – Лаврушин открыл папку, которая была при нем, и выложил на столик лист формата А4, на котором что-то было написано от руки.

– Не помню, где очки, не смогу прочесть. Вы мне словами...

– Это копия одного из нескольких писем, что господин Музеридзе написал вам из тюрьмы за последние два месяца своего заключения.

– Чего-чего?

– А вы пойдите отыщите очки и ознакомьтесь.

– Откуда у вас копия?..

– Это письмо он по какой-то причине не отправил, и его обнаружили в личных вещах покойного.

– Я не получал писем от Музеридзе. А вот откуда у вас и сведения, и эта бумажка с якобы копией? Ведь убитого нашли всего два часа назад? Когда ж вы нарыли все, Олег Евгеньевич?

– Муза «откинулся» месяц назад, и его кто-то сразу взял в оборот. В его адрес стали поступать угрозы, сожгли машину, на которой он ездил. Об этом он сообщил своему куратору. Тот принял меры. Когда я обнаружил труп Музы, сразу обратился к его куратору, а он снабдил меня и сведениями, и кое-какими уликами.

– Позвольте, я ознакомлюсь с письмом?

– Извольте.

Эдик взял распечатки и пробежался по тексту глазами. У него было идеальное зрение, про очки он врал.

– Муза меня в этом письме грязью поливает, – воскликнул он. – Негодует, что я никак не реагирую на его послания, будто бы он и вправду отправлял не одно, а несколько, и грозит вывести на чистую воду, как только выйдет на свободу.

– Поэтому автоматически вы становитесь подозреваемым.

– Товарищ капитан, да неужели, если б мне грозила опасность со стороны Музы, я стал бы машину его жечь?

– А что, сразу бы убрали? – криво усмехнулся полицейский.

– Даже если так... Вы же неглупый человек. Ну разве я бросил бы труп в своем же доке, если бы это сделал?

– Исполнители бывают не такими умными, как заказчики. – Капитан поднялся на ноги, вслед за ним вскочил «форменный».

– Я не имею к убийству Музы никакого отношения. И писем я не получал от него. А в следующий раз, если вы заявитесь ко мне вот так, я не буду с вами разговаривать без адвоката.

– Это ваше право. До свидания.

– Прощайте!

Эдик не пошел провожать полицейских до выхода. Но проследил, покинули ли они его дом. Как только дверь захлопнулась, он сердито крикнул:

– Полина, немедленно сюда!

* * *

Она плакала, утирая свою исколотую ботексом мордашку какими-то розовыми перьями. Пожалуй, это был веер. Или какой-то диковинный головной убор. А возможно, и экзотический лифчик. В общем, фигня из перьев, как идентифицировал ее Эдик. Поля держала ее в руках, когда прибежала на зов.

Выложив перед женой копию письма покойного Малхаза, он потребовал ответа.

– Да, я находила эти письма, читала, рвала и выкидывала! – выдохнула Поля. Тогда она еще держала себя в руках.

– Зачем? – прорычал Эд.

– Чтоб уберечь тебя.

– Я что, маленькая принцесса? Или столетний старик? Я сердечник? Эпилептик? Человек на грани самоубийства?

– Нет, но...

– Так какого хрена щадить меня?! Здорового психически и физически мужика!

– Я хотела сказать тебе об угрозах Музы через три года.

– То есть перед тем, как окончится срок его заключения?

– Да. Зачем моей маааасе волноваться лишний раз?

– Твое счастье, что я не быю женщин, а то так бы вlepил тебе сейчас.

И вот тут она заплакала. И стала утираться перьями этими дурацкими...

Эд сразу перестал злиться. Его жена хотела как лучше. Пусть и получилось как всегда.

– Ладно, не реви, – буркнул Эд.

Но Поля стала рыдать еще громче, и перья, некогда пушистые, повисли сосульками.

– Мне нужна твоя помощь, Полина, – мягко сказал Эд, зная, что эти слова ее отрезвят. Его супруга не пустая кукла, она вдумчивая, понимающая и преданная. А что выглядит как кусок пластика с наклеенными волосами, так это ерунда. Считай, единственный недостаток.

– Что сделать для тебя, Маша?

– Обзвони подружек, сообщи о случившемся.

– Зачем?

– Они все равно узнают. Но лучше от тебя. Ты сообщишь им новость, а взамен они тебе доложат о том, как отреагировали на эти новости их мужья. – Поля, естественно, общалась с супругами местных воротил.

– О, я буду твоим информатором, да?

– Точно.

– Хорошо. Я сделаю это для тебя.

И унеслась к себе, чтобы приступить к обязанностям информатора.

А Эдик остался в гостиной думать.

То дело, о котором говорил капитан, не просто пахло... смердело!

Причем как в прямом, так и в переносном смысле.

В доке, том самом, которым сейчас владеет Эд, нашли три трупа. Все разной степени разложения. Когда грузчики открыли один из давно простаивающих без дела металлических контейнеров, оттуда повалил такой смрад, что всех вырвало. Чтобы этого не случилось при осмотре места преступления, на оперативников надели респираторы. Но и они не спасали. Не вывернуло тогда только криминалиста да старого матерого старшего.

Самый «свежий» труп был двухнедельным, а «старожил» провалялся в контейнере полгода. Когда тела идентифицировали, то выяснилось, что все они моряки, но все из разных портов, а «старожил» вообще турок. Из-за этого за расследование взялись особенно рьяно, ведь пострадал гражданин другого государства. Но поскольку дело шло ни шатко ни валко, решили все ускорить и найти козла отпущения. Им оказался докер Эдуард Корнилов. Он, как и все в порту, начиная от матросов, заканчивая начальством, приторговывал чем, как они говорили, Посейдон пошлет, и среди партии его псевдошелковых платочков и парео оказался товар с ТОГО турецкого корабля, на котором ходил «старожил».

Эда взяли под стражу. Держали в камере без еды и воды. Били, чтобы вырвать чистосердечное признание, но Корнилов твердил одно: «Я не виновен!»

Через неделю, как верно заметил капитан Лаврушин, из ниоткуда появились улики, указывающие на Малхаза Музеридзе. Эдика выпустили, но он еще долго не мог забыть того ужаса, через который прошел. Хотел даже уехать, но его вызвал к себе САМ Пахомов. Тогда он еще только баллотировался в мэры, но занимал один из ключевых постов в порту. Глеб Симонович выразил сочувствие Эду и заметил, что было бы несправедливо не вознаградить преданного сотрудника за страдания.

– Я могу вам предложить два варианта, – сказал он. – Либо мы оплачиваем вам учебу в вузе, но с условием, что вы вернетесь в наш порт, получив диплом, либо я устраиваю вас на хорошее место, но вы получаете образование сами. Естественно, заочное. Ученические отпуска вам будут давать без проблем.

– Хочу место, – не раздумывая, ответил Эдик. – Но можно не учиться?

– У вас нет желания получить образование?

– Нет. Я и без него добьюсь успеха. Вы только дайте мне шанс.

– Хорошо, я пристрою вас в отдел особо важных грузов. Это элита, и туда так просто не попасть.

– Спасибо вам огромное!

Благодетель скупой улыбнулся и, взмахнув рукой, дал понять Эдику, что аудиенция окончена.

С тех пор прошло семнадцать лет. Корнилов многого добился. Мегакрутым не стал, но он и не стремился к этому. Ему нравился родной город, и он хотел прожить в нем до старости, на старости лет, может, взбредет что в башку, и умотает он на Гоа бамбук курить, а пока он доволен. Его дохода вполне хватает, чтобы не отказывать себе ни в каких радостях.

Глава 4

Запыленная «Тойота» въехала на главную площадь города и заглохла.

– Ласточка моя, – ласково проговорил Леша и погладил приборную панель. Его машина всю дорогу капризничала, но отказала, только когда достигла пункта назначения.

Он толкнул дверку, вышел. Вдохнул полной грудью. Воздух совсем другой! И ладно не московский, все мегаполисы пропитаны смогом и запахом фаст-фуда. Но Леша бывал и в провинциальных городах, российских и зарубежных, в том числе приморских, и там не так пахло...

Сейчас Земских ощутил аромат детства...

– Вы сговорились, что ли? – услышал он голос и обернулся. Возле старого «Опеля» стоял лысый толстяк, смутно кого-то напоминающий. – Вчера Ольга, сегодня ты!

– Извините?

– Не узнал? А вот Крестовская сразу.

Леша сделал несколько шагов по направлению к «Опелю», а вернее, его хозяину.

– Ну? – Он уткнул руки в боки и повертелся. – Угадывай...

– Судя по тому, что ты знаешь меня и Олю, ты учился с нами. Но поскольку я тебя не узнаю, то не в нашем «б», а в параллельном...

– Я Пашка! Пашка Сорокин. Мы с тобой на ОБЖ вместе сидели.

– Обалдеть, – только и мог выговорить Леша. Свою физиономию он каждый день в зеркале лицезрел, поэтому не замечал разительных возрастных изменений. Но вот перед ним стоит Пашка, его ровесник, которого он не видел почти двадцать лет, и он... старый! Не древний, конечно. Но сильно потрепанный жизнью. Дядя, лучшие годы которого уже позади. А ведь им обоим только тридцать шесть...

– Блин, ты тоже изменился, но я тебя узнал, – с досадой протянул Паша.

– Да я за рулем две тысячи километров проехал, что ты хочешь? Я сейчас Ленина от Маркса не отличу. – И указал на барельеф с коммунистическими вождями, по-прежнему украшавший стену бывшего дворца культуры.

– Загнал ты свою кобылицу.

– Да уж. Не подскажешь хороший сервис?

– Запросто. Мой брат держит такой. Сейчас позвоню ему, подъедут и заберут твою тачку. – Пашка достал из кармана клетчатой рубахи сотовый. – Так вы с Крестовской сговорились?

– Я не общался с ней больше пятнадцати лет. Даже не знаю, как она живет и где.

– Я тоже. Не спросил. Но сейчас она тут. Я вчера ее вез от вокзала до гостиницы.

– О, мне же тоже нужно куда-то заселиться. – Леша только сейчас подумал о ночлеге. – Какая тут самая приличная гостиница?

– «Приморская». Ольга, кстати, туда заселилась. Обожди, я позвоню... – И, поднеся телефон к уху, отошел в сторонку.

Земских привалился к капоту своей «Тойоты», его одежда была не чище машины – он не менял ее за все время пути, и стал осматриваться. В общем-то город похорошел. Стал выглядеть цивилизованнее: клумбы, урны, ровная брусчатка вместо вздыбленного асфальта, ни собак бездомных, ни пьяни, раньше ошивающейся в сквере. Но Земских больше порадовалась бы старой атмосфере. Ему так хотелось вернуться в юность!

Решение отправиться на малую родину Леша принял спонтанно. Излив душу лучшему другу, он отправился спать, а когда пробудился, понял – надо ехать. Растолкав Фомина, он сунул тому запасной ключ от квартиры, чтоб, уходя, запер дверь, и сообщил о том, что сегодня они не увидятся, так как у него куча дел. Нужно было многое уладить: уволиться, пристроить

своих ждущих операций пациентов, встретиться с онкологом, чтоб он дал рецепты на сильнодействующие препараты, и красиво расстаться с травницей. Последнее Земских беспокоило больше всего, поскольку в роли инициатора разрыва отношений он еще не выступал.

С Оксаной он созвонился в обед. Выслушав сдержанный упрек в том, что так долго не выходил на связь, Леша предложил встретиться вечером. Хотел было добавить: «Нам нужно серьезно поговорить!» – да передумал. Решит еще, что Леша собирается с ней съехаться, а то и в загс отвести.

Оксана приехала к нему в семь. Нарядно одетая, чуть подкрашенная, с прической «асимметрия», очень нравившейся Леше. Оксане было за тридцать, но она выглядела очень свежо: гладкая кожа, здоровый румянец. А какое тело! Как у двадцатилетней. Леша восхищался внешностью Оксаны. Но...

Она не будоражила его. Впрочем, он всегда считал, что это хорошо. Была у него подруга, не самая, к слову, красивая, носатая, пышнотелая, близорукая, от которой у Земских голова кругом шла. Леше нравилось в ней все, в том числе то, что она сама считала своими недостатками, со смехом указывала на них, иначе Леша не заметил бы. Он готов был заниматься с барышней сексом постоянно. Но это отвлекало от всего остального. Поэтому, когда девушка оставила его, Земских вздохнул с облегчением.

– Нам нужно серьезно поговорить, – выпалил Леша, едва Оксана прошла в комнату и уселась на диван.

– О чем? – осторожно спросила она.

– О нас.

– Хорошо. Я давно собиралась сделать это.

«Она хочет меня бросить? – пронеслось в голове у Земских. – Я ей наскучил, и Оксана желает разорвать отношения? Неужели я избавлен от объяснений?»

– Мы отлично ладим и проводим много времени друг с другом, – начала девушка, и Леша понял, что ошибся в своих прогнозах. – Мы идеальная пара, и ты сам говорил это.

– Да, но...

– Нашим отношениям уже полгода. Это достаточный срок, чтобы понять, хотим ли мы их развития. Я лично все для себя решила. О чем тебе сообщаю... – Оксана взяла его за руку. – Леша, я хочу встретиться с тобой старость, поэтому предлагаю перейти на новую ступень отношений.

Он собрался с духом и выдал:

– Нам придется расстаться!

Земских выпалил эти три слова так быстро, что они слились в одно. Оксана, судя по всему, не поняла, поэтому переспросила:

– Что?

Пришлось повторить фразу членораздельно.

– Что-о-о? – это прозвучало уже с другой интонацией.

– Я решил изменить свою жизнь...

– Отшив меня? Другую бабу нашел, так и скажи! – Оксана отбросила его кисть и вскочила. – Я так и думала! Не зря говорят – идеальный мужчина не пьет, не курит, не изменяет и... не существует!

– Позволь я все объясню...

– Ты притворялся все это время, да? Но зачем? Это игра такая? Приручить женщину и бросить? А я еще думала: где подвох? Перспективный доктор с квартирой и машиной, спокойный, без вредных привычек и ни разу не был женат в свои тридцать шесть...

– Оксана, я больше не перспективный. И уже не доктор. Хотя квартира у меня по-прежнему есть, но я в ней жить не буду.

– Ты что-то натворил и тебя сажают в тюрьму?

Нет, я пытаюсь из нее выбраться!

– Я возвращаюсь в свой родной город, чтобы исполнить свою детскую мечту и стать моряком.

Оксана саркастически рассмеялась.

– Не мог придумать более убедительной истории?

– Я говорю правду.

Тут зазвонил телефон Земских. Леша ответил, желая сделать небольшую паузу в тяжком разговоре.

– Лех, ты как? – услышал он голос Валеры.

– Нормально.

– Дома?

– Да.

– С травницей?

– Угу.

– А я ключи тебе завезти хотел.

– Оставь себе.

– Ты поручаешь мне поливку цветов? – Фомин знал, что Алексей собрался уезжать, они разговаривали об этом в клинике.

– Ты же в курсе, в моем доме их нет. Я предлагаю тебе пожить в квартире, пока с женой не помиришься.

– Ты настоящий друг, Леха. Спасибо! Обещаю соблюдать чистоту и исправно оплачивать счета. А можно я допью текилу и водку, что осталась?

– Весь бар в твоём полном распоряжении.

– Да ты святой, – выдохнул Фомин. – Когда уезжаешь?

– Завтра.

– Уже?

– Не хочу терять время.

– Тебя проводить на поезд?

– Еду на машине, так что... Я позвоню тебе, когда доберусь до места. Пока.

И сбросил, потому что к горлу подкатил ком. Фомин единственный, по кому Леша совершенно точно будет скучать.

– Так это правда? – донесся до него голос Оксаны. А он, пусть и на минуту, вовсе забыл о ней. – Ты бросаешь все, чтобы... – Она не смогла подобрать слов, и Земских подсказал:

– Стать счастливым.

Оксана медленно взяла стакан с журнального столика. Леша налил себе молоко за минуту до прихода девушки и успел сделать только пару глотков. Так же неторопливо Оксана занесла стакан над головой Земских и перевернула. Молоко вылилось на его макушку и потекло по лицу. Оксана шарахнула стакан об стену, развернулась и ушла.

– Что ж... – пробормотал Земских, утирая лицо рукавом. – Красиво расстаться не получилось, но так тоже сойдет.

От не самых приятных воспоминаний Лешу отвлек голос Пашки:

– Все улажено. Братеньник будет тут с минуты на минуту. Ты вещи из машины пока доставай и в мою перекидывай, я тебя доброшу до гостиницы.

– Сегодня просто мой день.

Пока Леша доставал из багажника рюкзак и сумку с документами, деньгами и компьютером, подъехал брат Пашки с помощником. Передав им ключи, Земских уселся с пожитками в раздолбайку одноклассника.

– Ты надолго к нам? – спросил Пашка, заведя мотор.

– На все лето, может, сентябрь захвачу, – ответил Леша. Дольше он все равно едва ли протянет.

– Не работаешь, что ли?

– Уволился.

– Откуда?

– Из клиники. Я хирург-ортопед.

– А ты не это?.. Того? – И щелкнул себя по шее. – Не как батя твой?

– Нет, я не пью.

– То есть тебя не уволили, а сам ушел?

Леша кивнул. Пашка, судя по скептической мине, ему не поверил. Наверное, решил, что у младшего Земских те же проблемы, что и у старшего.

– А я тут видел батю твоего, – сказал Пашка.

– И как он выглядел?

– Плохо. Совсем «синий». Хату вашу сдает каким-то гастарбайтерам, на эти деньги бухает.

– А сам где живет?

– Да где придется. Чаще у баб. Он хоть и алкаш, но на фоне себе подобных принцем смотрится. Всегда чисто одет, причесан и не валяется где попало. Вы так и не помирились?

– Да мы и не ругались. Просто перестали общаться.

– То есть ты даже не знал, жив ли он?

– Моя тетка, сестра отца, вынудила его завещать свою долю в квартире ей. Но я имею право на мамину часть. Если б мой родитель скончался, тетка обязательно связалась бы со мной.

– Да, квартира у вас знатная. Была когда-то...

Трешка в лучшем доме города – «Академическом», как его называли. Отец получил ее как ведущий хирург. Соседями Земских были крупные торгаша и чинуши. Среди которых большой человек Пахомов. Тот, кто впоследствии стал мэром и отцовским палачом. С его дочкой Сашкой они жили в соседних подъездах и учились в одном классе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.